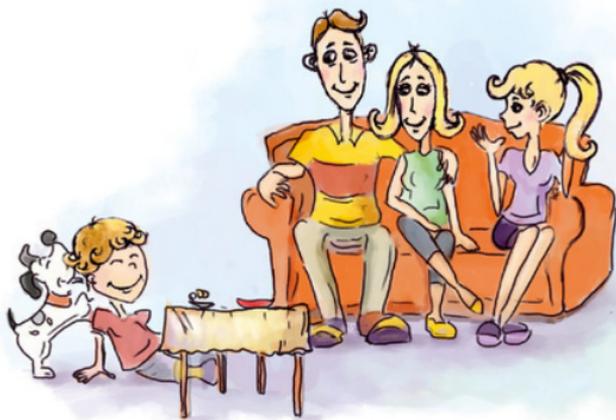

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ребенок по Монтессори ест все подряд и не кусается

Мария Монтессори — создатель педагогической системы, основанной на идее свободного воспитания

Мария Монтессори

Ребенок по Монтессори ест все подряд и не кусается

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8508746

Мария Монтессори. *Ребенок по Монтессори ест все подряд и не кусается*: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-094509-2

Аннотация

В основе педагогической системы Монтессори лежит принцип недопустимости насилия над ребенком. Ребенок – целостная активная личность с чрезвычайно интенсивной мотивацией к саморазвитию. Задача родителей заключается в том, чтобы подготовить развивающую среду и наблюдать за самостоятельной работой ребенка, предлагая свою помощь лишь тогда, когда это необходимо.

Дети, воспитанные по системе Монтессори: самостоятельны, аккуратны, ответственны, умеют ставить цели и принимать решения, понятливы, доискиваются до сути, а главное – умеют и хотят быть свободными!

Содержание

Ребенок преобразует мир	5
Глава 1	13
Этапы роста	13
Период созидания	19
Абсорбирующий разум	23
Новые ориентиры	28
Духовный эмбрион	32
Адаптация ребенка	35
Психоэмбриональная жизнь	43
Рождение и развитие	49
«Туманности»	60
Завоевание независимости	67
Концепция созревания	81
Вклад ребенка в жизнь общества:	84
нормализация	
Общественное развитие	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Мария Монтессори

Ребенок по Монтессори ест все подряд и не кусается

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Ребенок преобразует мир

Эта книга – звено в цепи наших размышлений и нашей деятельности по защите великой силы детства.

Сегодня мир разделен, но он пытается определить пути своего будущего преобразования. Обучение признано одним из важнейших средств этого преобразования, поскольку бесспорно, что цивилизация не достигла до сих пор того уровня, на котором психический потенциал человека мог бы раскрыться полностью.

Я тоже думаю, что человечество по-прежнему слишком далеко от того, к чему страстно стремится, т. е. далеко от построения общества, в котором царят мир и согласие, в котором нет войн. Люди еще не в состоянии контролировать события и управлять ими. Скорее они остаются жертвами последних.

И хотя в обучении видят средство, способное возвысить человечество, его трактовка все еще основана на устаревших концепциях. Обучение по-прежнему понимают только как развитие рассудка, в то время как оно должно стать источником сил обновления и созидания.

Благородные мысли и возвышенные чувства всегда посещали людей и всегда передавались посредством образования, но войны от этого не прекращались. Бессмысленно надеяться на лучшее будущее мира, если мы, как и прежде, ста-

нем втискивать обучение в старые схемы передачи знания. Чего стоит это знание, если мы пренебрегаем общим формированием человека? Есть некая особая психическая сущность, о которой мы ранее не догадывались. Некое социальное единство, с которым необходимо считаться. Если к нам когда-нибудь и придут помощь и спасение, то принести их могут только дети, ведь именно они вырастают в человечество.

Ребенок наделен великими возможностями. И если мы действительно стремимся к преобразению общества, целью обучения должно стать развитие человеческих способностей.

В последние годы психическая жизнь новорожденного вызывала большой интерес. Одни исследователи сосредоточили свое внимание на первых трех часах после рождения. Другие, в результате тщательных наблюдений, пришли к убеждению, что наиболее важным периодом в развитии человека являются первые два года его жизни.

Величие человеческой личности изначально. Это весьма мистическое утверждение приводит нас к странному, на первый взгляд, выводу: обучение человека должно начинаться с момента его рождения. Но как практически обучать новорожденного младенца, ребенка первого или второго года жизни? Чему следует учить крошечное существо, которое не понимает наших слов и даже не умеет передвигаться? Может быть, говоря об обучении совсем маленьких детей, мы име-

ем в виду правила гигиены? Разумеется, нет.

Обучение в этот период должно пониматься как помощь в развитии врожденных психических возможностей личности. И следует отметить, что обычная, традиционная форма обучения, использующая в своем арсенале слово, в данном случае неприменима...

...Исследования последних лет убедительно доказали, что малыши обладают совершенно особой психикой. Это открытие указывает нам новый путь в процессе обучения, его новую форму, которая обращена к самой природе человека, до сих пор не принимавшейся в расчет. Подобно тому, как в далекие времена человек выравнивал поверхность земли, а затем возделывал ее, не зная о невероятных богатствах, хранящихся в ее недрах и не заботясь о них, так и современный человек продвигается по пути цивилизации, не подозревая о сокровищах, скрытых в психическом мире ребенка.

С самого начала человеческой истории люди подавляли и истребляли в себе те силы, о существовании которых догадывались лишь немногие, да и то только в последнее время.

Мы только начинаем осознавать значимость этого доселе не использованного и поистине неоценимого богатства – умственных способностей человека.

Изучение первых двух лет жизни распахнуло перед нами новые горизонты. Сам ребенок даровал нам эту возможность, приоткрыл перед нами свою психологию, совершенно

отличную от психологии взрослого. Вот она, новая жизнь! Не учитель применяет методы психологии по отношению к ребенку, но сами дети раскрывают ученым свою психологию.

Эти рассуждения могут показаться весьма туманными, однако все сразу же встанет на свои места, как только мы перейдем к примерам. Даже поверхностные наблюдения доказывают, что детский разум обладает способностью впитывать знания и возможностью самообучения. Дети говорят на языке своих родителей. Овладение языком – величайшее интеллектуальное завоевание: ведь ребенка никто специально не учит, и все же он начинает безошибочно использовать в своей речи имена существительные, глаголы, прилагательные.

Наблюдение за развитием у детей языковых навыков представляет особый интерес. Те, кто занимался этим вопросом, единодушно признают, что использование отдельных слов и имен, т. е. первых элементов речи, приходится на вполне конкретный период жизни, словно эта деятельность подчиняется какому-то временному закону. Создается впечатление, что малыш точно следует определенной программе, заложенной в нем природой. Причем он следует ей гораздо более неукоснительно, чем любая школа – своей программе...

...Можно сказать, что в каждом ребенке живет заботливый внутренний наставник, способный добиться одних и тех

же результатов от любого малыша, в какой бы стране он ни жил. Человек в совершенстве владеет лишь тем языком, который был освоен им в первые годы детства. И если впоследствии, повзрослев, ребенок начнет изучать другой язык, никакой учитель не добьется, чтобы его ученик пользовался иностранным языком с той же легкостью, с какой он говорит на родном, усвоенном с младенчества. Значит, существует некая психическая сила, помогающая развитию ребенка. Это касается не только языковых навыков. К двум годам малыши умеют различать людей и предметы, окружающие их. Если мы задумаемся над этим фактом, станет очевидным масштаб их созидательной деятельности – ведь все наши знания приобретены тем малышом, которым каждый из нас был в первые годы жизни. Речь идет не только о том, что дети учатся узнавать то, что их окружает, понимать и приспосабливаться к этому окружению. Равным образом важно, что в тот период, когда никто не может стать для него учителем, ребенок сам формирует основу своего интеллекта, создает некий прообраз будущего религиозного чувства и особенностей своего национального и социального сознания. К трем годам дети уже закладывают в себе основы человеческой личности и начинают нуждаться в специальной помощи обучающего воспитания. Успехи, достигнутые малышом, так велики, что трехлетнего ребенка уже можно признать сформировавшимся человеком. Сравнивая способности детей и взрослых, психологи утверждают, что нам потре-

бывалось бы шестьдесят лет напряженного труда, чтобы добиться того, к чему ребенок приходит всего за три года. Выводы психологов дословно совпадают с тем, о чем я только что сказала: к трем годам ребенок формируется как человек, несмотря на то, что его способность впитывать в себя окружающий мир к этому времени далеко не исчерпана.

В наши детские учреждения малыши приходили трехлетними. Никто не пытался их чему-нибудь учить, поскольку они еще не были восприимчивы к преподаванию. И тем не менее они демонстрировали поразительные проявления величия человеческого разума. Наше заведение не было собственно школой. Скорее его можно назвать Домом ребенка, местом, специально приспособленным для того, чтобы дети, не подвергаясь обучению, могли впитывать в себя культуру, разлитую в окружающей их обстановке. Малыши из наших первых школ принадлежали к беднейшим слоям общества, родители их были неграмотны. И все же в пять лет дети уже могли читать и писать, хотя с ними никто не занимался этим. Если посетители школы спрашивали: «Кто же научил тебя писать?», ребенок в недоумении отвечал: «Научил? Меня никто не учил». Казалось чудом, что дети четырех с половиной лет умеют писать и при этом не чувствуют, что получили образование.

Газеты заговорили о «спонтанном овладении культурой». Психологи задавались вопросом, не отличались ли эти дети изначально особыми способностями, а мы сами долгое вре-

мя находились в растерянности от полученных результатов. Только после многократных опытов мы пришли к убеждению, что все дети без исключения обладают этим даром «абсорбировать» культуру. Если же дело обстоит именно так, – сказали мы себе, – если культура может быть воспринята без усилий, дадим же ребенку возможность «впитать» в себя остальные ее элементы. И тогда мы увидели, как с той же легкостью, спонтанно, без тяжелого труда дети освоили не только чтение и письмо, но и ботанику, и зоологию, и математику, и географию.

Мы обнаружили, что образование – не столько ответственность учителя, сколько естественный процесс развития ребенка. Он происходит не благодаря восприятию им слов взрослых, а представляет собой накопление опыта практических действий, самостоятельных открытий, которые он черпает в окружающей его среде.

Я проводила свои эксперименты в разных странах в течение сорока лет. По мере того как дети становились старше, их родители обращались ко мне с просьбами продолжать воспитание подрастающих малышей. В результате мы узнали, что только индивидуальная деятельность стимулирует и осуществляет развитие ребенка, и это в равной степени относится как к малышам дошкольного возраста, так и к школьникам младших, средних и старших классов...

...Перед нашими глазами открылась совершенно новая картина. Мы увидели не новую систему обучения или воспи-

тания, но нового Человека, раскрывающего и свободно развивающего свой истинный характер. Он проявляет свое величие, если ничто не сдерживает его внутренней работы и не довлеет над его душой.

Поэтому я полагаю, что все преобразования в сфере обучения должны ориентироваться на развитие личности. В центр обучения следует поставить самого человека. При этом необходимо помнить, что умственное развитие начинается не в стенах университета, а с момента рождения, и наиболее интенсивно оно протекает в первые три года жизни. Именно в этот период, более чем в какой-либо другой, детей необходимо окружить неусыпной заботой. Если мы будем действовать согласно этому императиву, ребенок превратится из объекта тяжелого труда в удивительное утешение, в чудо природы. Он перестанет быть для нас бессильным существом, неким пустым сосудом, который мы должны наполнить своей мудростью. Его достоинство будет расти в наших глазах по мере того, как мы осознаем в нем конструктора нашего разума и поймем, что это существо, ведомое по определенному пути внутренним наставником, без усталости, но с радостью и счастьем трудится над построением величайшего чуда природы, коим является Человек. Мы, учителя, можем только помогать ребенку в этой работе, как слуги помогают своему хозяину. И тогда мы станем свидетелями развития человеческой души, свидетелями рождения Нового Человека.

Глава 1

Философия детства

Этапы роста

Многие психологи, наблюдавшие детей и подростков от рождения до университетской скамьи, полагали, что путь развития ребенка можно разделить на определенные этапы. Данная концепция опровергала прежние взгляды на проблему, согласно которым содержание человеческого индивида в первые годы жизни считалось весьма незначительным, а его наполнение происходило лишь по мере роста. То есть личность понималась как некая малая величина, находящаяся в развитии, как нечто растущее, но сохраняющее в процессе роста первоначальную форму. Отказавшись от этой старой концепции, современная психология признает существование нескольких типов психики и ментальности, присущих соответствующим периодам жизни человека.

Эти периоды четко различаются между собой, и любопытно отметить их совпадение с последовательными фазами физического развития организма. С точки зрения психики различия столь глубоки, что, пытаясь объяснить их, некоторые исследователи впадали в крайность и утверждали: «Раз-

витие есть смена рождений». В определенный момент жизни одна психическая особенность человека прекращает свое существование и на ее месте возникает другая. Первый из этих периодов растянулся от рождения ребенка до шести лет. Несмотря на разнообразие своих проявлений, тип умственной деятельности остается единым для всего этого периода. В пространстве от нуля и до шести лет четко выделяются две подфазы. Первая – от рождения до трех лет – характеризуется таким типом ментальности, подступиться к которому взрослые не в состоянии. Следовательно, оказывать прямое воздействие на него невозможно. И действительно, для детей этого возраста не существует учебных заведений. На второй подфазе – от трех до шести лет – тип остается прежним, но ребенок уже может подвергаться некоторому воздействию. Данному периоду в целом свойственна глубокая трансформация личности. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на отличие новорожденного младенца от шестилетнего ребенка. Мы не будем задаваться здесь вопросом, как происходит такая трансформация. Факт тот, что, по общему мнению, в шесть лет индивид становится настолько разумным, что его можно отдавать в школу.

Возраст ребенка	Доминанта развития
От нуля до трех лет	«Впитывающее сознание»
От трех до шести лет	«Строитель самого себя»
От шести до девяти лет	«Исследователь окружающего мира»
От девяти до двенадцати лет	«Ученый»
От двенадцати до восемнадцати лет	«Социальный работник»

Следующий период – от шести до двенадцати лет – характеризуется ростом без качественных изменений. С точки зрения психики это период спокойный и безмятежный, период здоровья, силы и устойчивости.

Что касается физического развития, то некоторые его признаки, казалось бы, прямо указывают на границу, разделяющую первый и второй периоды. Изменения тела весьма очевидны. Для примера скажем лишь, что в это время у ребенка выпадают молочные зубы и вырастают коренные.

Третий период – от двенадцати до восемнадцати лет – своими бурными трансформациями напоминает нам самый первый. Он также может быть разделен на две подфазы: от двенадцати до пятнадцати и от пятнадцати до восемнадцати лет. Он также характеризуется физическими изменениями тела, которое достигает своей зрелости. После восемнадцати лет человек может считаться совершенно развившимся,

и никаких значимых изменений с ним уже не происходит. Дальше он растет только в возрастном плане.

Самое любопытное, что официальная система образования как бы неосознанно учитывала существование этих различных типов психики. Первый период – от рождения до шести лет – открыто признавался уже фактом своего исключения из системы обязательного обучения. Было замечено, что именно к шести годам в ребенке происходят перемены, в силу которых он становится настолько зрелым, чтобы его можно было отдать в школу. Тем самым подтверждалось, что к этому времени ребенок знает уже достаточно много, и это позволяет ему посещать занятия. Действительно, если бы шестилетние дети не могли ориентироваться, не умели бы ходить, не понимали бы слов учителя, то они не были бы в состоянии участвовать в жизни коллектива. Именно в этом и заключалось практическое признание первого периода жизни. Но воспитателям не приходило в голову, что если ребенок способен ходить в школу, ориентироваться, понимать доносимые до него мысли, то есть делать то, что при рождении не умел, значит, он сам себя развил умственно.

Косвенное признание получил также и второй период, поскольку во многих странах переход от начальной школы к следующей ступени образования чаще всего приходится на двенадцатилетний возраст. Почему именно период с шести до двенадцати лет считался наиболее благоприятным для усвоения детьми основополагающих категорий культу-

ры? Поскольку это признано повсеместно, нельзя усматривать здесь случайность: только общая для всех детей психическая основа может объяснить подобное сходство школьного устройства, которое, разумеется, было порождено опытом. Действительно, опыт подтверждал, что в этом возрасте ребенок способен нести требуемую школой умственную нагрузку: он может понимать то, что говорит учитель, и у него хватает усидчивости, чтобы выслушивать и усваивать. На протяжении всего второго периода ребенок постоянен в своем труде и крепок здоровьем. Именно поэтому этот возраст считается наиболее подходящим для усвоения культуры.

После двенадцати лет начинается образование более высокой ступени. Тем самым официальная система образования как бы признавала, что к этому моменту у человека складывается новый тип психики. Наличие внутри этого типа двух фаз подтверждалось разделением данного этапа обучения на две части: на незаконченное и законченное среднее образование. Первое обычно длится около трех лет, второе – иногда до четырех лет. Не столь важно, какова продолжительность каждого этапа. В данном случае интересен сам факт деления средней школы на эти два этапа. В целом этот период не так легок и спокоен, как предыдущий. Психологи, занимавшиеся проблемами обучения подростков, рассматривают его как время таких психических трансформаций, которые можно сопоставить с тем, что происходит с детьми от рождения до шести лет. Обычно в этом возрасте харак-

тер ребенка неустойчив, имеют место проявления непослушания и протеста. Физическое здоровье тоже не так стабильно и прочно, как во второй период, но школа не обращает на это никакого внимания: есть установленная программа, и школьники обязаны следовать ей, хотя бы они того или нет. И в этом возрасте дети по-прежнему должны сидеть и внимать объяснениям учителя, должны слушаться и тратить время на зубрежку уроков.

Венчает образование система университетов и других высших учебных заведений, которые, впрочем, отличаются от предшествующих типов школ только интенсивностью занятий. Процесс образования по-прежнему не контролируется психологами и сохраняет все свои застаревшие привычки. Единственное, что было достигнуто, это признание различных типов развития на протяжении различных периодов жизни человека.

Период созидания

В годы моей молодости на детей двух-шести лет внимания никто не обращал. Теперь же, напротив, существуют разного рода дошкольные учреждения, в которые приводят малышей трех-шести лет. Но и сегодня важнейшим периодом образования по-прежнему считается время учебы в высшей школе, ведь именно оттуда выходят те, кто наилучшим образом овладел качеством, присущим только человеку, – способностью мыслить. Однако, поскольку сегодня психологи обратились к изучению самой жизни, возникла новая, можно сказать, совершенно противоположная тенденция. Теперь многие, и я в их числе, полагают, что наиболее важный отрезок жизни приходится не на студенческие годы, но скорее на первый период, от рождения до шести лет, поскольку именно тогда формируется целый комплекс психических свойств, формируется человеческая индивидуальность. Прикасаюсь к этому таинству жизни, ученые испытывали такое же волнение, как и те, кто в древности размышлял о тайнах смерти. В новорожденном раскрывается Человек. Почему его младенчество столь длительно и мучительно? Ни у одного животного этот период не бывает таким тяжелым. Что происходит в это время?

Без сомнения, младенческий период имеет созидательный характер. Нельзя сказать, что при появлении на свет ма-

льш обладает хоть какой-то долей разумности, памяти, воли, но он готов расти и развиваться дальше. Котенок с рождения умеет мяукать, пусть даже не вполне совершенно. И у птенца, и у теленка – у каждого есть свой голосок, который, окрепнув, станет голосом его биологического вида. Человек же при рождении обладает единственным средством самовыражения – плачем. То есть в данном случае речь идет не о развитии имеющихся у человека примитивных навыков, но о создании их с нуля. Нам трудно уловить умом тот удивительный шаг, который делает ребенок от полнейшего неумения к какому-то умению.

Чтобы сделать такой шаг, ребенок должен обладать типом ментальное, отличным от ментальное взрослых. У него имеются совершенно особые способности, и масштаб стоящих перед ним задач огромен: он должен создать все с нуля. Он не только строит свою речь, но и лепит органы, которые позволяют ему говорить. Он создает каждое физическое движение, каждый элемент нашего разума, все то, что присуще человеку. Это удивительное свершение, причем достигается оно неосознанно. Взрослые всегда действуют осознанно: если у нас появляется стремление и желание научиться чему-нибудь, мы беремся за дело. Но в ребенке еще нет ни осознанности, ни стремления: и то и другое необходимо сначала создать.

Но это не означает умственную отсталость ребенка. Напротив, его умственная деятельность целесообразна. Обла-

дая именно таким – неосознанным – типом умственной деятельности, ребенок делает свои удивительные свершения, начиная с познания окружающего мира. Как ему удастся впитать в себя то, что его окружает? Ребенок обладает настолько сильной восприимчивостью, что окружающие вещи пробуждают в нем интерес и энтузиазм, которые пронизывают его жизнь. Ребенок ассимилирует впечатления не разумом, но всей своей жизнью. Овладение речью – самый очевидный пример тому. Как происходит, что ребенок вдруг начинает говорить? Обычно это объясняют тем, что ребенок обладает слухом и воспринимает речь людей. Но почему же из множества звуков и шумов, окружающих его, малыш выделяет и усваивает лишь человеческую речь? Вероятно, именно человеческая речь производит на ребенка особое впечатление, вызывает такие глубокие чувства, такой энтузиазм, что приводит в движение невидимые струны, которые начинают вибрировать и, наконец, воспроизводят услышанные звуки. Для сравнения скажем, что то же случается с нами на концертах: как только на лицах слушателей появляется выражение восторга, их головы и руки начинают двигаться в такт. Что иное привело их в движение, если не музыка? Голос производит на ребенка такое впечатление, рядом с которым наши впечатления от музыки кажутся ничтожными. Мы почти видим в ребенке вибрирующие движения языка и щек, дрожание тончайших жилочек. Все волнуется и напрягается в нем, готовясь в тишине воспроизвести звуки, вызвавшие

такие сильные эмоции в неосознанном разуме ребенка. Как получается, что ребенок овладевает речью в совершенстве, настолько правильно и твердо, что она становится частью его психической индивидуальности? Усвоенная в младенчестве речь называется родным языком. Она так же четко отличается от всех других языков, выученных человеком впоследствии, как настоящие зубы отличаются от вставных.

Как случается, что звуки речи, поначалу не имеющие никакого смысла, внезапно становятся понятны его сознанию? Ребенок «абсорбирует» не только слова. Он впитывает в себя саму «конструкцию фразы». Без этого нельзя понять сказанное. Когда мы говорим, например: «На столе стоит стакан», смысл, вкладываемый нами в эти слова, зависит от порядка, в котором они расставлены. И если мы скажем: «Стоит на стакан столе», будет трудно уловить, о чем идет речь. Мы понимаем порядок слов. Ребенок впитывает в себя конструкции языка.

Абсорбирующий разум

Как это происходит? Мы говорим: «Он запомнил». Но чтобы запоминать, необходима память. А у ребенка ее нет – сначала надо ее построить. Казалось бы, прежде чем отдать себе отчет в том, что сделать фразу понятной может только ее правильная конструкция, ребенок должен быть способен рассуждать. Но у него нет способности рассуждать. Ее он тоже должен создать сам.

Умственные способности взрослых не позволяют им достичь того, чего достигает ребенок. Для овладения речью требуется совершенно иная форма умственных способностей. Она-то и имеется у ребенка: его тип разума отличается от нашего.

Можно сказать, что если мы, взрослые, приобретаем знания при помощи нашего разума, то ребенок впитывает их посредством своей психической жизни. Просто живя, он учится говорить на языке своего народа. В его разуме совершается некий химический процесс. Взрослые выступают в роли реципиентов: впечатления вливаются в нас, и мы запоминаем их, но не сливаемся с ними, как вода не сливается со стеклом стакана. У ребенка же, напротив, впечатления не только проникают в сознание, но и формируют его. Они как бы воплощаются в нем. При помощи того, что его окружает, ребенок создает собственную «умственную плоть». Мы назва-

ли это «абсорбирующим разумом». Постигнуть все способности детского разума весьма трудно, но бесспорно, что это чрезвычайно плодотворная форма мыслительной деятельности.

Представьте, как было бы чудесно, если бы мы могли сохранять в себе необычайные способности ребенка, который, ведя беззаботную жизнь, прыгая и играя, выучивает язык во всех его грамматических тонкостях. Было бы замечательно, если бы всякое знание входило в нас таким естественным путем, не требующим больших усилий, чем те, которые мы тратим, чтобы дышать или есть. Сначала мы бы не чувствовали ничего необычного, а потом, внезапно, приобретенные нами знания засветились бы в нашей памяти, как яркие звездочки понимания.

Если бы я вам сказала, что где-то существует планета, на которой нет ни школ, ни преподавателей, ни необходимости учиться, где обитатели просто живут, гуляют и, не прикладывая никаких усилий, познают разные вещи и надежно удерживают в своих головах полученные таким образом знания, это показалось бы сказкой. Ну так вот, то, что кажется фантастикой, плодом богатого воображения, на самом деле – реальность, поскольку именно так получает знания незнательный ребенок, именно по этому пути он идет. Окруженный любовью и радостью, он узнает обо всем непреднамеренно, постепенно переходя от неосознанности к осознанию.

Как важно стать разумным, обладать человеческим мышлением! Но за это приходится платить, поскольку, став сознательными, мы можем достичь всякого нового знания только трудом и усердием.

Движение – вот еще одно из чудесных достижений ребенка. Новорожденный проводит многие месяцы, лежа в своей колыбельке. Спустя немного времени он уже ходит, перемещается в пространстве, что-то делает, наслаждается и счастлив этим. С каждым днем он все более совершенен в своих движениях. Точно так же, как речь, входит в его сознание умение управлять своими движениями. С той же поразительной быстротой ребенок осваивает и многое другое. Он вбирает в себя все, что его окружает: привычки, обычаи, религиозные установки.

Движения, которыми овладевает ребенок, формируются не случайно. Они определяются особенностями конкретного периода его развития. К моменту, когда малыш начинает двигаться, его абсорбирующий разум уже создал собственную среду. Прежде чем ребенок начнет передвигаться, в нем уже происходит неосознанное психическое развитие, и, совершая первые движения, он становится сознательным. Если понаблюдать за трехлетним ребенком, можно увидеть, что играет он всегда с каким-нибудь предметом. Это означает, что с помощью рук он обрабатывает, вводит в свое сознание то, что его неосознанный разум уже успел впитать в себя прежде. В процессе этого труда он делает себя сознатель-

ным, творит из себя Человека. Таинственная, могучая сила ведет ребенка, и постепенно он сам овладевает ею. С помощью собственных рук и собственного опыта он становится разумным человеком.

Он входит в жизнь и принимается за свой чудесный труд, постепенно приобретая собственную индивидуальность, соответствующую времени и окружению, он создает свой разум, постепенно выстраивая память, способность понимать, рассуждать. Вот он уже подходит к шестилетнему рубежу. И тут мы, воспитатели, обнаруживаем, что этот индивид понимает нас, что у него хватает терпения выслушивать то, что мы говорим, хотя прежде мы совершенно не могли достучаться до него. Он жил как бы на другой планете.

Задача взрослых состоит не в том, чтобы обучать, но чтобы помогать ребенку в его работе над своим развитием. Было бы чудесно, если бы нам удалось – разумным обращением с малышом, пониманием его жизненных потребностей – продлить тот период, когда в нем действует абсорбирующий разум. Мы оказали бы огромную услугу человечеству, если бы смогли помочь индивиду впитывать в себя знания, не испытывая усталости, если бы человек обогащался знаниями словно по волшебству, не задумываясь, какой ценой они были приобретены.

Открытие в ребенке абсорбирующего разума произвело революцию в системе воспитания. Стало понятнее, почему первый период развития человека, во время которого фор-

мируется характер, наиболее важен. Именно этот возраст требует особенной помощи, и всякое препятствие, чинимое ребенку, будет только уменьшать возможности его созидательного труда. Отныне мы станем помогать ребенку не потому, что он – существо маленькое и слабое, но именно потому, что он обладает огромной созидательной энергией. Однако его энергия крайне уязвима, поэтому, чтобы не ослабить и не повредить ее, ей нужна любящая и умелая защита. Именно этой энергии мы и хотим помочь, а вовсе не маленькому ребенку, не его беспомощности. Эта энергия принадлежит неосознанному разуму, который должен стать сознательным посредством работы и опыта, приобретенного в окружающем его пространстве. Мы отдаем себе отчет, что детский разум отличается от нашего, что взрослые не могут подступиться к нему с обычным вербальным обучением, что они не могут напрямую вмешиваться в процесс перехода от неосознанного к осознанному и в процесс создания человеческих способностей. В результате изменилась вся концепция образования. Задачей педагогов стала помощь в жизни ребенка, в психическом развитии человека, а не навязывание культурных фактов, мыслей и слов, которые малыш должен запоминать.

Это новый путь, новое направление обучения: помогать разуму в разнообразных процессах его развития, поддерживать его силы и укреплять его бесчисленные возможности.

Новые ориентиры

Погружаясь в изучение происхождения индивидуума, то есть в область эмбриологии, мы открываем процессы, которые нельзя обнаружить во взрослых особях, или которые протекают у взрослых иначе, чем у детей. Научный подход позволяет увидеть совершенно особый тип жизни, отличный от того, что мы привыкли принимать во внимание. На первый план выходит личность ребенка.

Убедиться, что малыш, в отличие от взрослого, развивается не по направлению к смерти, весьма просто: раз задачей ребенка является построение человека во всей полноте его жизненных сил, значит, движется он к жизни. Как только взрослая личность оказывается сформированной, ребенок исчезает. Таким образом, вся жизнь ребенка это движение к совершенствованию себя, к завершению созидания в себе человека. Кроме того, он способен получать удовольствие от выполнения этой своей задачи. Ведь ребенку присущ такой тип отношения к жизни, при котором труд, исполнение собственного долга доставляют радость и счастье, в то время как для взрослых работа обычно является тягостной обязанностью.

Движение по жизни означает для ребенка рост и расширение возможностей личности: чем старше малыш, тем умнее и сильнее он становится. Его собственный труд, его соб-

ственная активность помогают добиваться интеллектуального роста и физического совершенствования, в то время как у взрослых с годами интеллект и физические силы ослабевают. И еще, у ребенка нет ощущения соперничества, ибо никто не может вместо него выполнить его работу – построить человека. Другими словами, никто не будет расти «за него».

Углубляясь в истоки жизни, в тот период, который предшествует рождению, мы видим, что уже до появления на свет ребенок вступает в контакт со взрослыми, поскольку его эмбриональная жизнь протекает во чреве матери. Эмбриону же предшествует первичная клетка, возникшая из слияния двух родительских клеток. Таким образом, и в начале человеческой жизни, и в конце, когда ребенок вырастает, мы видим фигуру взрослого.

Ребенок – это линия, соединяющая два поколения взрослых. Жизнь ребенка – создания и создателя – порождается взрослыми людьми и завершается формированием взрослого человека. Изучение этого жизненного пути, проходящего в непосредственной близости взрослых, может породить новые исследовательские подходы и по-новому осветить стоящие перед нами проблемы...

...Природа берет детей под особое покровительство. Ребенок рождается от любви. Именно любовь – его подлинная первопричина. С момента своего появления на свет он окружен нежностью отца и матери. То, что он зачат в согласии,

и есть его первая защита. Природа наделяет родителей любовью к малышам. Это чувство не является чем-то искусственным, рассудочным, в отличие, например, от идеи братства, рождаемой в умах тех, кто уповает на единство рода человеческого. Наше отношение к детям помогает понять, какими в идеале должны быть нравственные устои общества взрослых. Ведь только любовь к ребенку по своей природе способна внушить нам самопожертвование, самоограничение, готовность беззаветно служить другому существу. Все родители испытывают это чувство и поступаются личными интересами, чтобы посвятить свою жизнь ребенку. Такое естественное стремление не только не кажется им жертвой, но даже доставляет радость. Никому не придет в голову сказать: «Бедняга, у него двое детей!» Напротив, всякого отца считают счастливым.

Жертвы, на которые родители идут ради своих детей, приносят им радость. Это и есть сама жизнь: ребенок внушает нам чувства, которые в мире взрослых считаются идеальными: самоотречение, самоотверженность. Вне семейных привязанностей обнаружить подобные добродетели почти невозможно. Ни один деловой человек, имея возможность заполучить необходимый ему товар, не скажет своему конкуренту: «Возьмите его себе, я вам уступаю». Но голодающие родители всегда отдадут последний кусок хлеба, чтобы накормить голодного ребенка. Здесь как бы сходятся две жизни. Взрослые имеют счастливую возможность прожить

обе: одну – как родители, другую – как члены общества. Лучшая из двух жизней та, которую родители тратят на своего ребенка, поскольку именно вблизи детей в человеке развиваются самые возвышенные чувства.

И если мы хотим усовершенствовать наше общество, изучение ребенка становится совершенно необходимым ввиду последствий, которые детство имеет для дальнейшей взрослой жизни. Мы должны начать заново изучать жизнь от самых ее истоков.

Духовный эмбрион

Новорожденный ребенок должен проделать определенную работу по конструированию своей психики, сходную с той, которую он уже проделал со своим телом во внутриутробный период. В этот отрезок жизни, физически уже не являясь эмбрионом, малыш еще ничем не напоминает того человека, которого он создаст. Можно сказать, что это «период формирования», период созидательной эмбриологической жизни, когда ребенок становится Духовным Эмбрионом.

Таким образом, человек дважды переживает эмбриональный период. В первый раз – до рождения, когда его развитие сопоставимо с развитием животных. Второй период – уже после рождения – присущ исключительно человеку. Именно этим объясняется наше длительное младенчество, феномен, отличающий человека от животного.

Следует признать, что именно здесь пролегает четкая граница между людьми и животными. Благодаря этой особенности человек предстает совершенно необычным существом, чьи функции не являются продолжением функций высших животных. Напротив – это скачок в развитии форм жизни на Земле, знак особого предназначения.

Именно отличие, а отнюдь не сходство позволяет нам проводить разграничения между видами. Новые виды, следова-

тельно, обязательно **должны нести в себе нечто новое**: они не могут быть просто производным продуктом от ранее существовавших видов. А те, в свою очередь, отличаются от еще более древних форм. Получается весьма своеобразная цепочка, которая и несет в себе новый жизненный импульс.

Млекопитающие и птицы несли в себе эти *новые признаки*, а отнюдь не были подобием или продолжением видов, населявших планету до них. Так, например, исчезнувшие с лица земли динозавры, отложив яйца, покидали свою кладку. Птицы же, в отличие от бесчувственных рептилий, ревностно оберегали свои яйца, строили гнезда, заботились о птенцах и отважно защищали их от опасности. В заботе о потомстве млекопитающие пошли еще дальше, чем птицы. Они не строили гнезд, но их детеныши стали развиваться в утробе, получая питание через материнскую кровь.

Это были совершенно новые черты жизни.

Не меньшую новизну представляет собой и человеческий род. Он переживает два этапа эмбрионального развития, имеет совершенно *особый облик* и особое предназначение по сравнению с остальными формами жизни.

Мы должны проникнуться этой мыслью и, лишь исходя из нее, продолжать изучение комплекса проблем, связанных с психическим развитием ребенка и взрослого человека. Если предназначение человека на Земле связано с его духовными возможностями, с потенцией его творческого разума, значит, именно дух и разум составляют опору индивидуаль-

ного бытия и всех функций человеческого тела. Именно вокруг них организуется его поведение и физиологическая работа всех его органов. Духовная сфера оказывает определяющее влияние на развитие человека в целом.

Сегодня даже мы, европейцы, постепенно приходим через практический опыт к мысли, наиболее ясно выраженной в индийской философии: все физиологические расстройства нашего организма вызываются психическими факторами, которые наш дух не смог побороть.

Если человек действительно зависит от окружающей его духовной среды, которая определяет особенности его индивидуального поведения, значит, наши заботы должны быть обращены в первую очередь на психическую жизнь новорожденного, а не только на его физическое существование, как еще часто случается.

Адаптация ребенка

В процессе своего развития ребенок не только приобретает человеческие способности, силу, разум и языковые навыки. Он в то же время приспособливает формирующегося в нем человека к окружающим условиям.

Мы уже приводили пример этого явления из области языка. Ребенок не запоминает звуки, но впитывает их, а затем безошибочно воспроизводит. Он говорит, следуя сложнейшим правилам и исключениям родного языка, не потому, что выучил его, и не потому, что обладает тренированной памятью. Детская память не удерживает это знание сознательно, однако владение языком становится частью психики ребенка, частью его личности. Без сомнения, мы имеем здесь дело с феноменом, отличным от обычной мнемонической деятельности, – с особой чертой психической индивидуальности ребенка. Он обладает абсорбирующей восприимчивостью по отношению ко всему, что находится вокруг него, а адаптация возможна лишь посредством наблюдения и абсорбции окружающей среды. Такая форма деятельности свидетельствует о неосознанных способностях, присущих исключительно детям.

Первый период жизни человека – период адаптации. Следует пояснить, что мы понимаем под этим и чем детская адаптация отличается от адаптации взрослых. Биологиче-

ская приспособляемость ребенка проявляется в том, что единственным местом, где ему хочется жить, становится место его рождения, а единственным языком, которым он свободно владеет, – язык его родителей. Оказавшись в чужой стране, взрослый никогда не освоится в ней так, как это сможет сделать ребенок. Возьмем, к примеру, тех, кто добровольно переселился в дальние края – миссионеров. Они едут туда по доброй воле, в надежде исполнить свое предназначение на Земле. Но если поговорить с ними, то они скажут: «Живя в этой стране, мы жертвуем своей жизнью». И подобное признание очень точно определяет пределы приспособляемости взрослых.

Вернемся теперь к ребенку. Ребенок испытывает тягу к тому месту, где он родился, до такой степени, что как бы ни была тяжела жизнь в родном краю, он нигде не будет столь же счастлив. Таким образом, привязан ли человек к холодным финским равнинам или к голландским дюнам, эта привязанность, эта любовь к родине перешла к нему от ребенка, которым он был когда-то.

Адаптацию осуществляет ребенок, а взрослый впоследствии оказывается подготовленным, то есть приспособившимся. Он чувствует свою связь с родным краем, он склонен любить его и чувствовать его очарование, и поэтому не находит себе мира и покоя на чужбине.

Нет ничего важнее этой абсорбирующей способности детской психики, которая формирует человека и приспособли-

вает его к любым социальным условиям, к любому климату, к любой стране. Анализ этой способности лежит в основе нашего исследования. Следует заметить, что в словах «Я люблю свой край» нет ничего поверхностного или искусственного. Напротив, они отражают весьма существенные человеческие свойства.

Это позволяет понять, как благодаря особенности своей психики ребенок впитывает в себя обычаи и привычки того края, в котором он живет, и в конечном счете формирует в себе личность, типичную для своих мест. «Местные» черты поведения человека есть таинственное отражение того, что запечатлелось в нем в годы его детства. Очевидно, что и своеобразные обычаи, и специфический менталитет людей, выросших в одной местности, – это приобретенные качества, поскольку ни одно из них не присуще человеку от рождения. Вырисовываются, таким образом, более широкие рамки деятельности ребенка: он строит поведение человека, приспособлявая его не только к времени и месту, но и к особенностям менталитета жителей родного края. В Индии, например, уважение к жизни настолько велико, что люди поклоняются животным. Такое поклонение стало важной чертой сознания этого народа. Но подобное чувство не может быть приобретено взрослым человеком. Недостаточно сказать: «Следует уважать жизнь», чтобы эта мысль стала частью нашего мировоззрения. Я могу согласиться, что индусы правы, что и мне следует бережно относиться к жизни

животных, но это будет реакцией моего разума, а не чувств. Как мы никогда не сможем обожествлять коров по примеру индусов, так и сами они никогда не смогут освободить свое сознание от этого чувства. И хотя эти черты менталитета на первый взгляд кажутся наследственными, на самом деле они впитаны ребенком из окружающей его обстановки. Однажды в садике нашей местной школы «Монтессори» мы увидели маленького мальчика-индуса чуть старше двух лет. Он внимательно смотрел вниз и водил по земле пальчиком, словно чертя прямую линию: по земле с трудом полз муравей, у которого были оторваны две лапки. Такое несчастье растрогало малыша, и он старался облегчить бедняге путь, прокладывая ему дорогу. Всякий, наверное, сказал бы тут, что подобная симпатия к живому существу «унаследована» ребенком.

Заметив что-то необычное, к маленькому индусу подошел другой мальчик. Он разглядел муравья и тут же раздавил его ногой. Этот второй малыш был мусульманин. Ребенок из семьи христиан, возможно, поступил бы точно так же или просто прошел бы мимо. И мы снова могли бы подумать, что ощущение абсолютного барьера между людьми и животными, из которого произрастает убеждение, что уважения и милосердия заслуживают только люди, это ощущение тоже унаследовано. Но это не так.

У разных народов – разные религии, и если какой-то народ отказывается от своей веры, то он все же начинает испытывать некоторое душевное волнение и неудобство. Ибо

наши верования и подобные им чувства составляют часть нас самих. Как говорят европейцы: «Это у нас в крови». Все нравственные и социальные черты, составляющие целостность личности, все кастовые и прочие особенности, присущие типичному итальянцу или типичному англичанину, – все они формируются у человека в детстве при помощи той загадочной психической силы, которую ученые называют «мнеме». Она же участвует и в формировании особой пластики движений, свойственной именно этому народу. Например, у представителей некоторых африканских племен особенно развиты и закреплены такие свойства, которые порождены необходимостью обороняться от диких животных. У других существуют специальные упражнения, которые неосознанно направлены на развитие остроты слуха, из чего следует, что особая острота слуха становится характерной чертой людей, принадлежащих к этому племени. Таким же образом ребенок абсорбирует и все прочие особенности. Он фиксирует их в себе навечно, и даже если впоследствии человек попытается сознательно преодолеть их, все равно на уровне подсознания что-то остается, поскольку нельзя полностью разрушить то, что закреплено в нас с детства. Эта «мнеме», которую можно рассматривать как высшее проявление природной памяти, не только формирует отличительные черты индивидуума, но и обеспечивает их жизнестойкость: как определенные движения навсегда запоминаются нашими суставами, так и свойства, сформированные ребен-

ком, остаются навсегда присущими личности, придавая каждому человеку неповторимую индивидуальность.

Бессмысленно надеяться на то, что в характере взрослого человека можно что-нибудь изменить. Когда мы говорим: «Этот человек не умеет себя вести», когда мы обращаем внимание на чьи-то неприличные поступки, мы можем зачастую породить в этом человеке чувство унижения, можем внушить ему, что у него скверный характер, но вся проблема в том, что переделать этот характер мы не в силах.

Этот же феномен «мнеме» обеспечивает адаптацию человека к исторической реальности. Он позволяет понять, почему взрослый человек, перенесенный в наши дни из эпохи античности, никогда бы не смог приспособиться, а ребенок спокойно адаптируется к любому уровню цивилизации и способен сформировать в себе человека, соответствующего определенному времени и определенным обычаям. Это доказывает, что функция детства в онтогенезе человека заключается в адаптации индивида посредством создания такой модели поведения, которая позволяет ему действовать свободно в окружающей обстановке и воздействовать на нее. Следовательно, сегодня мы должны рассматривать ребенка как связующую нить, как соединительное звено между различными историческими фазами и различными уровнями развития цивилизации. Детство – это действительно очень важный период, потому что если мы хотим привить людям новый образ мыслей, если мы желаем как-то изменить или

улучшить обычаи своей страны, если мы хотим, чтобы характерные черты нашего народа проявились еще больше, инструментом нашего воздействия должен быть ребенок, поскольку возможности влияния на взрослых весьма ограничены. И если мы действительно стремимся улучшить условия жизни людей, поднять их уровень культуры, то ребенок поможет нам достигнуть этой цели.

В последние годы оккупации Индии некая семья английских дипломатов регулярно отправляла своих детей в сопровождении няни-индианки обедать в один из богатых отелей. Усевшись на полу, няня обучала детей есть рис руками с блюда, как это принято в Индии. Все это делалось для того, чтобы дети не испытывали презрения и отвращения, которое часто свойственно европейцам, наблюдающим за застольными обычаями индусов. Ведь именно несовпадение обычаев и представлений у различных народов является главным мотивом, порождающим взаимонепонимание между ними. Если нам кажется, что наши традиции пришли в упадок и их необходимо возродить, нам следует обратиться к детям, ибо через взрослых результата не добиться. Чтобы воздействовать на общество, мы должны воздействовать в первую очередь на детей. Отсюда вытекает необходимость создания сети школ для малышей, поскольку именно дети будут в дальнейшем строить человеческое общество, используя те элементы, которые мы им дадим. Самое большое влияние на детей мы можем оказывать посредством особой организации

окружающей их обстановки: малыши абсорбируют ее, впитывают в себя все, что возможно взять из нее, как бы воплощают ее в себе. Ребенок с его безграничными возможностями действительно может изменить облик человечества, поскольку сам же его и создает. Ребенок дарит нам огромную надежду и новое видение стоящих перед нами проблем: возможно, с помощью обучения нам удастся достичь большего взаимопонимания, большего благополучия и большей духовности людей.

Психоэмбриональная жизнь

Таким образом, распознав в ребенке существо, наделенное психической жизнью, мы должны признать, что он нуждается в нашей заботе с самого рождения. Психическая жизнь малыша с момента появления на свет, с первых дней его существования настоятельно требует внимания психологов. Это интереснейший объект исследований, который может привести нас к открытию новых направлений в науке, подобно тому как исследования физической стороны жизни привели к появлению физической гигиены и педиатрии.

Итак, если новорожденный наделен психической жизнью, значит, она появилась в нем до рождения, иначе быть не может. Следовательно, психическая жизнь возникает еще в эмбрионе. Допустив эту мысль, мы должны задаться вопросом, на каком именно этапе эмбрионального развития это происходит. Известно, что дети иногда рождаются недоношенными, семимесячными, но и в семь месяцев они все же готовы к жизни. Значит, их психика может функционировать так же, как и у детей, вынашивавшихся девять месяцев. Этот пример вполне очевидно доказывает, что психическая жизнь существует вообще на каждом этапе жизни. В действительности любая, даже самая примитивная форма жизни наделена известной долей психической энергии, определенным типом психики. Это наблюдается даже у одноклеточных животных,

которые способны уходить от опасности, приближаться к пище и т. д.

Долгое время ребенка считали существом, лишенным психической жизни, и только недавно ученые стали принимать во внимание некоторые ранее не изученные особенности человеческой психики.

Результатом такого подхода стали новые проблески в осознании взрослыми своей ответственности за детей. Процесс появления ребенка на свет начал вызывать интерес и у писателей, и у психологов. Последние заговорили о «трудностях рождения» уже применительно не к матери, но к младенцу, т. е. к тому, кто переносит родовые муки, не имея возможности пожаловаться, и испускает крик лишь тогда, когда его усилия и его мучения окончились.

Испытывая невероятную физическую усталость от родов, младенец оказывается перед неожиданной необходимостью приспособиваться к новой окружающей обстановке, совершенно отличной от той, в которой он находился прежде, перед необходимостью незамедлительно начать выполнять абсолютно непривычные действия. Психологи пришли к выводу, что это самое тяжелое и самое драматичное испытание в судьбе человека. «Ужас рождения» – такое определение они дали этому критическому и решающему моменту жизни.

Конечно, этот ужас не осознан младенцем, но если бы он обладал сознательными чертами психики, то страшное испытание, возможно, породило бы в нем целую цепь вопро-

сов: «Зачем вы толкаете меня в этот страшный мир? Что я буду делать в нем? Как мне жить в такой непривычной обстановке? Как я, привыкший к абсолютной тишине, перенесу эту какофонию звуков? Как справлюсь с тяжелейшими обязанностями, которые до сих пор выполняла за меня ты, мама? Как мне глотать, как дышать? Как после ровного тепла материнского чрева переносить ужасные перепады температуры?» Ребенок не осознает того, что произошло. Он не может объяснить, что страдает, что рождение стало для него потрясением. Однако в подсознании ребенок все это ощущает и реагирует приблизительно так, как мы описали выше. Поэтому мысль о том, что ребенку надо помочь приспособиться к окружающей обстановке, становится естественной для тех, кто занимается подобными исследованиями. Необходимо постоянно помнить, что новорожденный способен испытывать страх. Известно, что младенцы, оказавшись в ванночке с водой спустя несколько часов после рождения, часто делают судорожные движения, похожие на попытки уцепиться за что-нибудь при падении. Именно в таких движениях проявляется младенческий страх. Безусловно, природа помогает новорожденному осуществить эту сложнейшую адаптацию. Например, она наделяет мать инстинктом, который заставляет роженицу прижимать к себе малыша, чтобы защитить его от яркого света. Кроме того, природа распорядилась так, что и сама мать весьма беспомощна в первый период жизни ребенка. Вынужденная соблюдать по-

кой для восстановления собственных сил, мать тем самым передает необходимое ощущение покоя своему ребенку. Получается так, что мать подсознательно чувствует, что ее малыш перенес травму, поэтому держит его около себя, согревая теплом своего тела и оберегая от излишних впечатлений.

У человека защитные действия протекают мягче, чем у животных. Достаточно понаблюдать за кошкой, которая прячет своих котят по теплым углам и ревниво не подпускает к ним чужих. Человеческие защитные инстинкты не предполагают подобной бдительности, и бесспорно, мы их постепенно утрачиваем. Не успеет ребенок родиться, как все подряд уже берут его на руки, купают, одевают, подносят к свету, чтобы лучше разглядеть цвет его глазок, и при этом обращаются с ним скорее как с вещью, нежели как с одушевленным существом. Людями в таких случаях руководит не природа, но человеческий разум, а он вводит нас в заблуждение, поскольку мы привыкли думать, что ребенок лишен психики.

Очевидно, что этот период, или точнее этот краткий миг рождения должен быть изучен особо.

Речь идет не о целостности психической жизни ребенка, но о первом столкновении человека с внешним миром. И в этом случае можно говорить не просто о трудном, но о решающем моменте в судьбе человека. Именно в этот период в человеке просыпаются силы, которые должны будут направлять широкомасштабную созидательную деятельность ребенка – духовного эмбриона. И поскольку природа отме-

чает своими – физическими – знаками каждый шаг в психическом развитии личности, то через несколько дней после рождения мы видим, что у младенца отпадает пуповина, еще недавно связывавшая ребенка с матерью. Этот первый период наиболее важен, поскольку с ним связаны таинственные приготовления.

Таким образом, мы должны учитывать не только последствия психической травмы ребенка в процессе рождения, но и возможность или невозможность привести в движение те активные факторы, которые в нем несомненно заложены. Ведь даже если у младенца и нет тех установившихся черт поведения, которые имеются у животных, то у него по крайней мере должна быть способность сформировать их. Действительно, ребенок не ждет, когда в нем проснется атавистическая поведенческая память зверя. Но он ждет неких туманных и бесформенных импульсов, насыщенных потенциальной энергией, которая должна направлять поведение и деятельность человека в окружающей обстановке. Мы назвали эти импульсы *nebule* – «небуле» (лат. «туманность»).

Способность к адаптации – жизненная функция первого периода детства – может сравниться с тем «наброском» наследственных поведенческих черт, который существует в эмбрионе животного. Они рождаются со всем готовым: форма движений, ловкость, добывание пищи, способы защиты, присущие данному виду.

Человек же, напротив, был вынужден вырабатывать все

это в процессе общественной жизни: поэтому, появившись на свет, ребенок должен абсорбировать извне все особенности своей социальной группы и закрепить их в себе.

Рождение и развитие

Тем не менее весьма интересно проследить за развитием ребенка, постоянно учитывая те функции, которые он исполняет, являясь «главным механизмом» человеческой жизни.

Неразвитый даже в физическом отношении новорожденный младенец должен построить сложнейшее создание, коим является человек. Он не знает «пробуждения инстинктов», свойственного животным, когда они впервые соприкасаются с внешним миром. Но появившись на свет, младенец продолжает созидательную работу эмбриона и формирует то, что впоследствии станет походить на «совокупность человеческих инстинктов».

И поскольку ничто не заложено в человеке, он должен сам выстроить и свою психическую жизнь, и двигательные механизмы, которые являются отражением психики.

Младенец – инертное существо, он не умеет даже держать головку, но с ним произойдет чудо. Подобно тому, как Иисус воскресил сына вдовы в Наине, и тот встал, «и отдал его Иисус матери его» (Лк. 7, 11–15), так и ребенок будет «возвращен» роду человеческому, населяющему Землю. Длительная инертность новорожденных заставляет нас помнить: нервные центры формируются прежде, чем части тела, поскольку первые подготавливают вторых к работе.

Так и в ребенке, прежде чем он научится двигаться, долж-

на сформироваться психическая основа. Следовательно, созидательная деятельность ребенка начинается в области психики, а не моторики.

Для развития человека формирование психической жизни важнее, чем овладение движениями, поскольку сами движения будут позже освоены при помощи психики. Если разум отличает человека от животного, значит, первой задачей человека при появлении на свет должно быть построение разума.

Все остальное – ждет.

Младенческие органы еще не вполне совершенны: кости его скелета не окрепли, двигательные нервы еще не покрылись изолирующей оболочкой миелина, чтобы обеспечить точную передачу команд нервных центров. И само тельце новорожденного лежит инертно, как будто это еще не человек, а только его предварительный набросок.

Таким образом, становление человеческого существа начинается прежде всего с развития разума. Все остальное следует за ходом развития психики, которая формирует отличительные черты личности.

Это наблюдение наилучшим образом доказывает, как важен первый год в жизни ребенка и насколько развитие интеллекта является характерной особенностью человека.

Итак, развитие ребенка состоит из множества последовательных этапов, смена которых определяется особыми законами, общими для всех людей. Детальное исследование

постнатального эмбрионального развития позволяет увидеть, как завершается построение черепа; как постепенно смыкаются хрящи, закрывая «роднички»; как совершается образование швов, и в частности – лобного шва; как впоследствии, с изменением относительных пропорций, меняется форма всего тела; и как происходит окончательное укрепление костей суставов и конечностей. Можно точно определить, когда миелинизируются спинномозговые нервы и когда начинается внезапный и бурный рост мозжечка – важнейшего органа нашего тела, весьма неразвитого в момент рождения, – который приобретает наконец свои обычные пропорции, соответствующие пропорциям полушарий головного мозга. Наконец – когда именно преобразуются эндокринные железы и прочие железы, связанные с пищеварением.

Результаты этих исследований давно известны. Они позволяют выявить различные стадии физической «зрелости» организма в его соотношении с физиологическим развитием нервной системы. Так, например, тело не может сохранять равновесие, а следовательно, ребенок не может удержать себя в сидячем или стоячем положении, пока его мозжечок и нервы не достигнут определенного уровня зрелости.

Ни воспитание, ни тренировки не смогут сдвинуть границы этих возможностей. Органы движения постепенно, по мере их созревания, подчиняются командам психики, которая потом будет руководить с их помощью освоением про-

странства.

Познание окружающего мира, ежедневно упражняющее человека, развивает координацию движений и стремление подчинить их своей воле.

В отличие от животных человек не обладает врожденной координацией движений – он должен выработать ее сам. Но кроме того, у его движений нет определенной цели – он должен найти ее. Молодые особи большинства млекопитающих сразу после рождения умеют ходить, бегать и прыгать точно так же, как это делают взрослые представители их вида. Они быстро справляются с трудными упражнениями, если им по закону наследственности надо научиться карабкаться, перескакивать через препятствия или стремительно убежать. Человек же, напротив, не несет в себе никакого умения, однако он способен научиться совершать самые разнообразные и самые трудные движения. Доказательством того могут быть ловкие руки ремесленника, прыжки акробата, движения балерины, бегуна, спортсмена и т. д.

Впрочем, подобные примеры демонстрируют не зрелость органов движения, но наличие опыта, приобретенного в определенных условиях: это результат регулярных упражнений, а значит – результат обучения. Каждый человек создает собственные навыки, распоряжаясь своей физиологией, которая сама по себе остается неизменной. Таким образом, человек сам себя совершенствует.

Теперь следует выяснить, какие именно особенности при-

сущи ребенка.

Чтобы найти правильный ориентир, необходимо признать следующий факт: хотя способность двигаться зависит от степени зрелости тела ребенка, его психическое состояние не зависит от физического напрямую. Как мы уже подчеркивали, психика человека имеет приоритет в развитии, а части тела находятся некоторое время в состоянии ожидания, готовясь подчиниться ей. Когда же тело начинает действовать, последующее психическое совершенствование протекает через движение, через активное освоение окружающей среды. Поэтому дети, которые не могут воспользоваться уже готовыми к работе органами, отстают в умственном плане. Ведь у психического развития нет пределов, и в значительной степени оно зависит от нашей возможности использовать инструменты познания, преодолевать пути бессилия. Все это происходит внутри человека.

Однако психическое развитие несет в себе одну тайну, в каждом ребенке имеются скрытые возможности, присущие только его личности. И покуда младенец пребывает в психо-эмбриональном состоянии, выявить эти возможности мы не можем.

На этом этапе все младенцы в мире весьма похожи друг на друга. Можно сказать, что при рождении они равны между собой: они следуют по одному и тому же пути развития и подчиняются общим законам. Процессы, происходящие в психике, напоминают особенности физического формиро-

вания эмбриона: в самом начале деление клеток у ящериц, птиц или кроликов проходит настолько похожие стадии, что мы не в состоянии различить, какое живое существо скрыто в эмбрионе. И только на следующих этапах зародыши, первоначально развивавшиеся совершенно одинаково, приобретают отличительные признаки.

Точно так же духовный эмбрион может превратиться в гениального художника, в политического лидера, в святого, а может – в обыкновенного человека. Но и обыкновенные люди, в свою очередь, проявляют совершенно несхожие склонности, которые побуждают их, соответственно, занимать разные места в человеческом обществе. Ведь только низшие организмы на земле предназначены делать в жизни «одно и то же» и «вести себя одинаково», в соответствии с наследственными признаками.

И все же мы не можем предвидеть, не можем угадать в какую сторону пойдет развитие человека, когда он находится на постнатальном эмбриональном этапе своего формирования. На этом этапе внешние усилия должны быть направлены на помощь в развитии жизни, а жизнь развивается у всех одинаково. Каждый ребенок сначала переживает момент «адаптации». Развитие психики подталкивает каждого малыша к освоению мира. И если на этом этапе наша помощь будет соответствовать высшим человеческим целям, мы увидим, насколько успешнее станут развиваться потенциальные возможности каждого индивида.

Следовательно, существует единый способ обращаться с детьми этого периода жизни. Если обучение начинается с момента рождения, оно должно идти по единому для всех пути. И неверно полагать, что к детям-индусам, китайцам или европейцам, как и к детям, принадлежащим к разным классам общества, требуются разные подходы. Нет, в каждом случае мы обязаны использовать один и тот же метод, который поддерживает «развитие человеческой природы», поскольку все дети без исключения имеют схожие психические потребности и следуют одним путем при построении своей личности: каждый ребенок проходит через одни и те же фазы роста.

Ни философы, ни ученые не в силах придумать и навязать нам тот или иной метод обучения. Только природа, установившая свои законы и заложившая в человеке определенные потребности развития, может диктовать нам такие обучающие методы, которые будут иметь вполне конкретную цель – исполнение жизненных потребностей и законов.

Только сам ребенок может выявить эти законы и эти потребности – своими спонтанными реакциями, своими успехами. Мы увидим это по тому, спокоен ли он, счастлив ли он. Подсказками будут служить интенсивность его деятельности, постоянство свободного выбора. Мы должны будем учиться у него и помогать ему всем, чем возможно.

Итак, психологи вычленили из последующего развития человека краткий, но решающий период его жизни: рожде-

ние. Психологи стали выделять «признаки регрессии», которые они связали с психологической «травмой рождения», а также «признаки подавления», связанные с неблагоприятными условиями жизни в период развития ребенка. Регрессия и подавление суть явления разные. Регрессия означает подсознательное решение новорожденного двигаться в обратном направлении, т. е. регрессировать, вместо того чтобы прогрессировать в своем развитии.

Сегодня мы знаем, что психологическая «травма рождения» может привести к гораздо более серьезным последствиям, чем просто крики и плач ребенка. Она способна вызвать в процессе дальнейшего развития формирование у ребенка отрицательных свойств. Она может спровоцировать психическую трансформацию, или точнее психические отклонения, и, как следствие, малыш будет развиваться неправильно.

Личность, страдающая регрессией в результате перенесенной «травмы рождения», не развивается и словно остается привязанной к чему-то, что было до ее появления на свет. Признаки регрессии разнообразны, но проявляются они сходным образом. Малыш будто выносит приговор этому миру и говорит себе: «Я возвращаюсь туда, откуда пришел». Многочасовой сон считается нормальным для новорожденного, но он не должен слишком превышать норму. Фрейд полагал, что чрезмерно длительный сон младенца – это способ укрыться, защититься. Он несет в себе психиче-

ское отталкивание младенцем внешнего мира и жизни.

Впрочем, может быть, царство подсознания – не сон? Если наш разум испытывает нагрузку, мы стараемся дать ему отдых во сне, ведь спящих окружает не реальность, а видения. Во сне нам уже не надо постоянно бороться. Сон – убежище, попытка удалиться от мира. Даже само положение тела во сне имеет значение. Новорожденный спит, приблизив ладони к лицу и поджав колени. Эта поза, которую часто сохраняют во сне и взрослые, выражает стремление вернуться в утробное состояние. Еще один способ проявить признак регрессии – плач младенца при пробуждении: словно он испугался или заново переживает страшный момент своего рождения, свой приход в этот непростой мир. Малышам часто видятся кошмары, которые являются составной частью ужасов нашей жизни. Еще одно проявление этой тенденции – стремление младенца уцепиться за что-нибудь так, будто он боится остаться один. Подобное цепляние – не знак особой привязанности, но, скорее, выражение страха. Ребенок боязлив, он стремится все время быть рядом с кем-нибудь, лучше всего – с матерью. Он не любит выходить на улицу и предпочитает оставаться дома, отгородившись от мира. Всякое открытие, которое, казалось, могло бы сделать малыша счастливым, напротив, пугает его и внушает чувство отвращения к последующим экспериментам. Создается впечатление, что окружающий мир, вместо того чтобы быть привлекательным для растущего существа, отталкивает его. А если

с раннего детства ребенок испытывает неприязнь к тому, что должно стать средством его развития, то расти нормально он не сможет. Он не захочет завоевывать мир, не будет впитывать в себя и воплощать в себе окружающую среду. Ему будет слишком сложно, и он не справится с такой задачей до конца. Он станет как бы иллюстрацией к мысли о том, что «жизнь есть страдание». Все будет утомлять его, даже собственное дыхание, каждый жест покажется ему противоестественным. Такой ребенок испытывает большую потребность во сне и в отдыхе от общения с другими людьми. Даже пищеварение у него затруднено. Можно представить, какая жизнь ждет этого малыша, поскольку эти особенности сохранятся и в дальнейшем. Он плаксив, апатичен, грустен и подавлен, он вечно нуждается в помощи других, и это совсем не мимолетные черты: они сопровождают человека на протяжении всей жизни. Став взрослым, он так же будет отталкивать от себя окружающий мир, бояться людей, останется таким же робким. В борьбе за существование, в общественной жизни такой человек всегда будет проигрывать, его никогда не посетит чувство радости, отваги или счастья.

Такова подсознательная реакция психики. Мы можем силой воли выбросить что-то из нашей памяти, но подсознание, которое, казалось бы, не чувствует и не запоминает, страшнее простого запоминания. Ведь впечатления подсознания накладываются на «мнеме», а затем отпечатываются в чертах характера индивидуума. В этом заключается боль-

шая опасность для человечества: ребенок, которому мы не поможем развиваться нормально, позже, ставши взрослым, отомстит обществу. Наше небрежение не подстрекает детей к бунту, как это происходит со взрослыми. Мы просто попустительствуем становлению личности более слабой, чем она могла стать. Тем самым мы формируем характер, который будет обходить препятствия на жизненном пути, не преодолевая их. Мы формируем личность, которая сама станет препятствием на пути человеческого прогресса.

«Туманности»

Я бы хотела еще раз акцентировать внимание на том, насколько важен для психической жизни человека момент его рождения. Выше мы останавливались лишь на наиболее очевидных из возможных последствий – на регрессивных признаках. Теперь важно связать эти признаки с природными проявлениями, которые обнаруживают у млекопитающих инстинкт защиты новорожденных. Выводы натуралистов о том, что в первые дни после рождения характерная материнская забота способствует некоему пробуждению у потомства общих инстинктов данного вида, вносят важный вклад в углубление наших представлений о психологии ребенка.

Эти представления подчеркивают необходимость осознать всю важность адаптации ребенка к внешнему миру, оценить потрясение, пережитое им при рождении: новорожденный требует особого обращения точно так же, как его мать требует специального ухода. Опасность, которой подвергаются мать и дитя, не одинакова, но оба испытывают серьезные трудности. Наконец, как бы ни был велик риск для физической жизни младенца, куда важнее уберечь от опасности его психику. Если причина регрессии заключается лишь в «травме рождения», то проявляться эти регрессивные признаки должны были бы у всех детей без исклю-

чения. Вот почему мы высказали гипотезу, в которой содержится наблюдение как за человеком, так и за животными. Очевидно, что в первые дни после рождения имеет место какое-то событие величайшей важности. У млекопитающих оно сопровождается пробуждением наследственных свойств, связанных с поведенческими особенностями данного вида. Как я уже говорила выше, нечто подобное происходит и с ребенком. И хотя в нем не заложена наследственная модель поведения, он обладает «способностями» развивать такое поведение за счет окружающей среды.

Поэтому нами было введено в оборот понятие «туманностей» – «небуле». Тем самым мы противопоставили творческую энергию, которая позволяет ребенку «впитывать в себя окружающий мир», «туманностям», из которых в результате сложных процессов возникли все небесные тела. В звездной туманности частички вещества разбросаны так далеко друг от друга, что не создают никакой плотности. И тем не менее они образуют некое небесное тело, которое можно увидеть с очень большого расстояния. Пробуждение «туманности» мы можем представить как пробуждение неких врожденных инстинктов. Например, из «туманности» языка ребенок получает стимулы и импульсы для создания собственной, но присущей его окружению речи, которую он абсорбирует в соответствии с определенными законами. Благодаря туманной энергии языка ребенок учится отличать звуки речи от прочих шумов, окружающих его. Эта энергия позволяет ему во-

плотить в себе способность говорить – отличительный признак человеческого рода. То же происходит и с социальными свойствами, которые превращают ребенка в члена общества.

Языковая туманность не несет в себе конкретные формы того языка, который будет развиваться в малыше. Но с какой бы речью ни столкнулся ребенок при рождении, она может быть им построена и развита за тот же срок и благодаря тем же приемам, что используют все остальные малыши на планете.

Здесь нам видится кардинальное отличие человека от животного. Если детеныш, появившись на свет, почти сразу начинает издавать звуки, свойственные его виду и заложенные в нем по наследству, то ребенок довольно долгое время остается нем, а потом начинает говорить на том языке, который он почерпнул в своем окружении. Маленький голландец, выросший среди итальянцев, станет говорить по-итальянски, а не по-фламандски, хотя все его предки были голландцами.

Ясно, что ребенок наследует не определенную модель языка, но возможность его конструирования при помощи неосознанной абсорбции. Можно сравнить эту потенциальную способность с *геном* зародышевой клетки, который руководит тканями, следя за тем, чтобы они образовывали вполне конкретные органы. Мы назвали эту способность «языковой туманностью».

Так «туманности», которые отвечают за функции адаптации к окружающей среде и за функции воспроизведения об-

щественного поведения, соответствующего тому, что ребенок видит в своем окружении, не передают ему по наследству готовые поведенческие модели, выработанные в ходе эволюции определенной общественной группы, достигшей определенного уровня культуры. «Туманности» дают ребенку возможность после рождения впитать в себя эти модели. Такое положение справедливо и для всех прочих функций психики.

Прежде чем продолжить эти рассуждения, я бы хотела пояснить один момент. У читателя может сложиться впечатление, что, говоря о «туманностях», я имею в виду возможности инстинктов, которые существуют сами по себе, и что это затмевает понятие цельности разума. Но я говорю о «туманностях» в силу необходимости вести дискуссию, а отнюдь не потому, что склоняюсь к атомистической теории строения разума. Для меня ментальный организм является некой динамичной целостностью, структура которой меняется благодаря активному освоению окружающего мира. Управляет этой целостностью энергия («орме» – «horme»), выражением или степенью которой становятся «туманности».

(Под термином «horme» – от греческого «возбуждать» – подразумевается сила или жизненный стимул.)

Представим себе, что по неизвестной причине «языковая туманность» бездействует или остается латентной. То есть не происходит развитие речевых навыков. Это случается не так уж редко и вызывает определенную форму немоты у детей,

чь органы слуха и речи, а также функции мозга совершенно нормальны. Зачастую это очень разумные ребяташки, и их поведение не отличается от поведения их сверстников. Я встречала немало подобных случаев. Врачи-ушники, как, впрочем, и невропатологи, утверждали, что за этим кроется какая-то загадка природы. Было бы интересно изучить такие явления подробнее, и в частности выяснить, что же произошло с этими малышами в первые дни их жизни.

Подобные исследования могут пролить свет на многие явления, еще не получившие своего объяснения, например на приспособление ребенка к социальной среде. С научной точки зрения они могут иметь большее практическое значение, нежели изучение возможных последствий психической «травмы рождения». Я полагаю, что все случаи психической регрессии вызваны нехваткой того *жизненного стимула*, который управляет социальной адаптацией. Лишенные необходимой восприимчивости дети ничего не впитывают из окружающей среды или впитывают лишь частично: они не только не тянутся, но, напротив, испытывают отторжение от этого окружения. В силу этого в малышах не возникает того, что мы называем «любовью к окружающему миру», а ведь только благодаря ей индивид реализует свою свободу, завоевывая мир.

В таких случаях особенности народа, обычаи, религиозные установки и прочее не впитываются так, как следовало. В результате человек вырастает моральным уродом, асо-

циальным типом, демонстрируя многие из уже перечисленных регрессивных признаков. Если эта созидательная *восприимчивость* заменяет ребенку наследственные поведенческие модели, если именно благодаря ей в человеке создаются функции адаптации к окружающему миру, очевидно, что эта *восприимчивость* является основой всей психической жизни, основой, которая формируется в первые годы жизни. Но тогда мы должны задаться вопросом: какие причины могут вызвать задержку пробуждения этой созидательной восприимчивости или отсутствие таковой? Ответа на этот вопрос еще нет. Искать его должен каждый из нас, изучая жизнь тех, кому наука помочь пока не в силах.

Впрочем, мне известен один случай, из которого можно почерпнуть принцип исследования. Речь идет о мальчике, который абсолютно не хотел и не умел учиться, о трудном подростке с ужасным характером, который обрекал его на полную изоляцию от общества. Он был красив, хорошо сложен и даже неглуп. В первые две недели после рождения этот ребенок серьезно страдал от недоедания, существенно потерял в весе и даже стал похожим на скелетик, особенно лицом. Нанятая к нему кормилица нашла его отвратительным и стала называть «мощами». За исключением этих первых двух недель все остальное развитие ребенка протекало нормально. Видимо, это был довольно крепкий младенец, иначе он бы не выжил, но юноша, в которого он превратился, имел явные криминальные наклонности.

Не будем терять время на эти гипотезы. Они еще требуют подтверждения. Обратимся лучше к факту чрезвычайной важности. Туманности восприимчивости управляют психическим развитием новорожденного так же, как *ген* определяет развитие тела из оплодотворенной яйцеклетки. Значит, мы должны окружить появившегося на свет ребенка той же особой заботой, пример которой мы находим у высших животных в момент пробуждения в их потомстве психических особенностей вида. Мы имеем в виду здесь не только заботу о детях первых лет или первых месяцев жизни. И уж тем более мы не сводим ее к обыкновенной гигиене тела. Нет, мы утверждаем важность принципа, особенно необходимого для разумных матерей и для семьи в целом: в момент рождения и в первые дни после рождения ребенок требует «специального ухода», крайне осторожного и тщательного.

Завоевание независимости

Ребенок, у которого отсутствуют признаки регрессии, весьма очевидным и энергичным образом демонстрирует свое стремление к функциональной свободе. Его развитие становится толчком к обретению все большей и большей независимости. Оно подобно полету пущенной из лука стрелы, летящей прямо, быстро и точно в цель. Завоевание свободы начинается с самого рождения. Некая жизненная сила действует в индивидууме и ведет его по ступеням эволюции, покуда маленькое существо растет, совершенствуется и преодолевает препятствия на своем пути. Эта жизненная сила – «орме» («horme»).

В психическом плане орме можно было бы сравнить с силой воли, хотя сходство между ними минимально. Сила воли слишком незначительна и слишком связана с индивидуальным сознанием, тогда как «орме» имеет отношение к жизни в целом, к тому, что мы можем назвать божественной силой всякой эволюции.

Именно эта жизненная сила эволюции побуждает ребенка к различным действиям, и если малыш развивается нормально, если его активность не наталкивается на препятствия, в нем возникает то, что мы зовем «радостью жизни». То есть ребенок постоянно находится в состоянии восторга и счастья.

Каждый новый успех в завоевании независимости является в принципе ступенью так называемого «естественного развития». Другими словами, пристальный взгляд на естественное развитие позволяет увидеть в нем последовательное обретение различных степеней свободы как в плане психическом, так и в плане физическом. Ведь тело тоже растет и развивается, а полученный им импульс так силен, что лишь смерть может остановить его действие.

Попробуем проанализировать это развитие. В момент рождения ребенок высвобождается из плена материнской утробы и становится независимым от функций организма матери. У него имеется стимул и потребность познать окружающий мир и вобрать его в себя. Можно сказать, что младенец рождается с «психологией завоевателя мира». Он впитывает в себя окружение и тем самым строит собственную психику.

Это отличительная черта первого периода жизни. Если ребенок испытывает такой завоевательный импульс, значит, окружающий мир кажется ему привлекательным. Малыш «любит» мир, хотя это слово, конечно, не раскрывает сути.

Первыми в младенце начинают действовать органы чувств. Но они являются не чем иным, как инструментами «захвата», с помощью которых мы улавливаем впечатления. Эти впечатления и воплощает в себе ребенок.

Что мы видим, когда используем зрение? – То, что нас окружает. Точно так же, когда мы начинаем слышать, то вос-

принимает все звуки в окружающем нас пространстве. Мы захватываем органами чувств весьма широкую палитру ощущений. Поначалу мы слышим сразу все, а не каждый звук в отдельности, видим окружающую нас картину в целом, а не отдельные предметы. Способность различать предметы, выделять из общего фона звуки придет позже, она станет следующим шагом в этой глобальной абсорбции мира, как со всей очевидностью было доказано гештальтпсихологией.

Таковы рамки психики нормального ребенка: сначала он впитывает в себя мир и только затем – анализирует его. А теперь возьмем другой пример, когда в силу пережитого страха ребенок не чувствует никакого влечения к познанию внешнего мира.

Очевидно, что эти два типа детей будут развиваться по-разному. Исследования детей в возрасте шести месяцев позволяют выявить определенные особенности, которые можно считать признаками нормального развития. В этот момент ребенок переживает известные физические изменения. Некоторые из них не видны глазу, и их можно выявить только с помощью лабораторных анализов, например начало выделения желудком необходимой для пищеварения соляной кислоты. К шести месяцам у ребенка появляются и первые зубки. То есть мы наблюдаем дальнейшее совершенствование тела, которое следует по определенным ступеням роста. Оно позволяет шестимесячному младенцу обходиться без материнского кормления или по крайней мере дополнять

молоко другими продуктами. Если учитывать, что до этого возраста ребенок абсолютно зависел от материнского молока, поскольку не был в состоянии переварить иную пищу, станет очевидным, что к шести месяцам им сделан важный шаг в завоевании свободы, словно малыш сказал себе: «Не стану больше жить за счет матери! Я живой человек и могу есть все, что захочу». Нечто подобное происходит с подростками, которые в определенном возрасте начинают испытывать чувство унижения от того, что зависят от семьи, и отказываются жить за счет родителей.

Приблизительно к этому моменту (который, соответственно, считается критическим моментом жизни ребенка) малыш начинает произносить первые слоги. Этот первый камешек в основании огромного здания – собственной речи – еще один большой шаг в обретении независимости. Научившись говорить, ребенок уже может сам объяснить, что ему хочется, а не ждать, когда взрослые догадаются об этом. При помощи слов он вступает в общение, поскольку другого средства общения у человечества нет. Освоение речи и возможность разумного контакта с людьми – это огромный шаг на пути к независимости. Малыш больше уже не похож на глухонемого, который не в состоянии ни объясниться сам, ни понять окружающих. Овладев речью, он овладевает и способностью слышать, и способностью произносить слова.

Через определенное время, приблизительно к году, малыш начинает ходить, и это высвобождает его из еще одного

плена. Теперь он топает сам и даже убегает от нас, уверенный в том, что ножки уведут его, куда он захочет. Так, благодаря последовательному обретению независимости, постепенно, шаг за шагом человек развивается и становится свободным. Здесь действует не сознательная воля личности, но природный феномен стремления к независимости. Действительно, необходимость расти, независимость – все это дается ребенку природой, которая и ведет его к свободе.

«Завоевание возможности ходить» имеет особую важность, если мы вспомним, что этот труднейший навык приходит к ребенку на первом году его жизни одновременно со способностью говорить, ориентироваться и т. д. Это капитальнейшее достижение физиологического плана. У других млекопитающих в нем нужды нет, только человек приобретает возможность ходить благодаря продолжительному и особо сложному типу своего развития. Прежде чем ребенок физически окажется в состоянии передвигаться или просто держаться на ногах, он должен пройти три ступени роста. Животные, например телята, начинают ходить сразу, как только появились на свет, хотя по своему уровню они стоят гораздо ниже человека. Мы же поначалу выглядим довольно беспомощными, поскольку наш организм гораздо сложнее и ему требуется гораздо больше времени, чтобы овладеть навыками ходьбы. Возможность ходить и стоять требует высокого совершенства организма в целом, что достигается совокупностью развития отдельных его частей, в

том числе и мозга. Особую роль здесь играет, в частности, функция мозжечка.

Бурное развитие мозжечка начинается у ребенка именно в возрасте шести месяцев. К четырнадцатому-пятнадцатому месяцу жизни этот процесс замедляется, но полностью он завершается только к четырем с половиной годам. Именно от развития мозжечка зависит наша способность стоять и ходить. Проследить это в ребенке довольно легко: одна за другой развиваются сразу две способности человеческого организма. Приблизительно в шесть месяцев малыш способен сидеть, к девяти он уже ползает, в десять месяцев встает, в одиннадцать-двенадцать – делает первые шаги, а в пятнадцать – уверенно ходит. Это одна составляющая комплексного процесса.

Второй является окончательное формирование некоторых нервных центров. Если спинно-мозговые нервы не будут достаточно развиты, они не смогут точно передавать мышцам команды головного мозга. Поэтому работа мышц требует, чтобы к определенному сроку нервная система была «построена». Таким образом, овладение навыками ходьбы предполагает гармоничное соотношение двух разных сторон развития. Здесь вмешивается еще и третий фактор – развитие скелета, еще одно завоевание данного периода жизни ребенка. Как мы знаем, кости ног младенца сразу после рождения еще не полностью окрепли. Они в значительной мере состоят из хрящевых тканей и поэтому весьма мягки. Выдержать вес

тела они просто не смогли бы. Следовательно, прежде чем ребенок начнет ходить, кости его скелета должны окончательно сформироваться. Обратим внимание и на такую особенность: к этому возрасту у ребенка срастаются кости черепа. Это уменьшает опасность повредить головной мозг, когда, начав ходить, малыш неизбежно начинает падать.

Если бы мы захотели раньше времени научить ребенка ходить, у нас бы ничего не вышло, поскольку данная способность зависит от различных аспектов физического развития, происходящих одновременно, то есть от достижения вполне определенного уровня зрелости. Попытка ускорить естественный процесс может только навредить ребенку. Им руководит природа, и он должен подчиняться ее строгим законам. Точно так же нам не удастся сдержать ребенка, научившегося ходить, ибо если в человеке сформировались какие-то органы, то он непременно должен ими пользоваться. Для природы сотворить что-нибудь означает не просто «вылепить», но и запустить в действие это свое творение. Как только орган полностью подготовлен, он должен немедленно начать взаимодействовать с окружающим миром. Сегодня эту функцию принято называть «освоением мира». Она и обуславливает окончательное совершенствование органа. Если же такого освоения не происходит, то орган развивается аномально.

Итак, ребенок может развиваться только посредством освоения окружающего мира. Мы называем эту его деятель-

ность «работой». Как только малыш осваивает речь, он начинает безудержно болтать, и ничто не принудит его к молчанию. Заставить ребенка умолкнуть – одна из сложнейших вещей в жизни. Но если бы дети не ходили и не говорили, они не смогли бы расти нормально и стали бы отставать в развитии. Ходьбой, бегом, прыжками и прочими упражнениями малыш развивает свои ножки. Природа сначала создает инструменты, а затем совершенствует их, заставляя функционировать и осваивать окружающий мир. Овладевший новыми способностями и тем самым укрепивший собственную независимость ребенок может развиваться нормально, только если он имеет свободу действий. Он станет использовать завоеванную им независимость. Психологи подчеркивают, что развитие не происходит само по себе: «Особенности поведения индивида формируются в зависимости от опыта, полученного при освоении окружающего мира». Если трактовать обучение как помощь в развитии жизни ребенка, то мы должны испытывать счастье всякий раз, когда наши дети делают очередной шаг к обретению независимости. Мы должны радоваться, когда наш малыш произносит первые слова, тем более что знаем: это – его личное достижение. Однако проблема обучения встает со всей остротой, если мы отдадим себе отчет в следующем: полностью остановить рост ребенка невозможно, но если мы лишим его возможности осваивать мир, то его развитие будет неполным, несовершенным.

Первой проблемой обучения является создание вокруг ребенка такого пространства, которое способствовало бы развитию функций, данных ему природой. Это подразумевает не только необходимость удовлетворять потребности малыша и разрешение делать то, что ему нравится. Нет, прежде всего мы должны вступить в сотрудничество с природой, подчиниться одному из ее законов, гласящему: развитие ребенка осуществляется посредством освоения окружающего мира.

Первый шаг ребенка – важная ступень в приобретении опыта. Если мы понаблюдаем за ним в этот период, то увидим, что малыш стремится добиться все большей независимости. Он хочет поступать по-своему, то есть брать то, что ему нравится, самостоятельно одеваться и раздеваться, есть и т. д. И не мы толкаем его к этой самостоятельности. В нем происходит жизненный толчок такой силы, что нам, напротив, приходится удерживать его от некоторых действий. Но тем самым мы сопротивляемся не ребенку – мы противостоям природе, поскольку именно она командует маленьким человеком, шаг за шагом подчиняющимся ее законам. Следуя сначала одному велению природы, потом другому, ребенок все больше расширяет границы своей независимости от тех, кто его окружает, и постепенно наступает момент, когда он захочет не только действовать, но и мыслить независимо. Тогда он станет развивать свои умственные способности сквозь призму собственного – не чужого – опыта. Начнутся поиски

смысла вещей, которые будут свидетельствовать о развитии в ребенке человеческой индивидуальности. Это не теория, не точка зрения, но очевидный факт, заслуживающий внимания. Когда мы утверждаем, что необходимо дать ребенку полную свободу, что общество должно обеспечить ему независимость и нормальное развитие, мы имеем в виду не расплывчатый идеал. Это утверждение основано на наших наблюдениях за жизнью, за природой. Только свобода и собственный опыт освоения окружающего мира позволяют человеку развиваться.

Говоря о независимости и о свободе ребенка, мы не переносим в эти понятия смысл, вкладываемый в идеалы взрослых людей. Если мы посмотрим на себя и попытаемся определить, что же такое независимость и свобода, то не найдем точного определения, ибо представления о свободе у взрослых весьма убоги. В них нет безбрежной природной шири. Только дети несут в себе отпечаток величия природы, которая дарует им жизнь, вручая свободу и независимость. Она вручает их детям в строго определенное время и в соответствии с потребностями ребенка. Свобода становится, таким образом, законом жизни: «Быть свободным или умереть!» Полагаю, что та же природа оказывает людям помощь и в освоении общественной жизни. Но если ребенок воспринимает общество как целостную картину, то мы, взрослые, выхватываем только отдельные его детали. И во взгляде малыша, который открывает в себе путь к реальности, путь к ис-

тине, больше справедливости, чем во взгляде взрослого. Истина, данная нам природой, не может быть поставлена под сомнение, и потому детская свобода, завоевываемая в процессе роста и развития, служит почвой для интересных наблюдений.

В чем цель этой постоянно растущей тяги к независимости? Где кроются ее причины? Она рождается в недрах формирующейся индивидуальности и начинает действовать сама по себе. Но природа устроила так, что всякое живое существо стремится к независимости: каждый организм действует самостоятельно, и даже в этом ребенок подчиняется общему плану природы.

Завоевывая свободу, он выполняет первое жизненное правило природы. Как именно ребенок обретает независимость? – Через постоянные активные действия. Как он реализует свою свободу? – Через постоянные усилия. Единственное, что невозможно сделать на жизненном пути, – это остановиться и замереть. Независимость не может быть статичной, она все время требует действий. Непрерывная работа дает человеку не только освобождение, но и силы для самоусовершенствования.

Первый инстинкт ребенка – действовать самостоятельно, без помощи окружающих, поэтому его первый сознательный шаг к обретению независимости – защититься от тех, кто пытается ему помочь. Чтобы быть самостоятельным, ему все время приходится предпринимать большие усилия. Многие

взрослые полагают, что лучше всего на свете сидеть, ничего не делать, и пусть другие работают за нас. Для таких людей идеал – это жизнь ребенка до его рождения. Они как бы стремятся вернуться в тепло материнской утробы и препоручить матери заботу об остальном. Взять, например, освоение речевых навыков как средства общения между людьми: если идеалом жизни был бы бесконечный покой, то ребенок просто не захотел бы прилагать усилий к тому, чтобы заговорить. Он бы не стал переходить на обычную пищу, утомлять себя ходьбой, не стал бы заставлять работать свой разум, который все время возбуждает в нем любопытство, подталкивает его к познанию окружающих вещей.

К счастью, дети устроены иначе. Они позволяют нам увидеть, что наставления природы весьма отличаются от тех идеалов, которые выработало человеческое общество. Свою независимость – телесную и духовную – ребенок ищет в труде. Его не волнует, что знают другие: он хочет до всего дойти сам, хочет самостоятельно освоить и познать мир. Мы должны ясно понять, что, предоставляя ребенку свободу и независимость, мы даем свободу трудоголику, который живет только своей работой, только своей активностью. Деятельность – это форма существования жизни. И если мы попытаемся остановить ее в человеке, то станем причиной дегенерации личности.

Все, что сотворено природой, есть результат деятельности. Сама жизнь есть деятельность, и только посредством де-

ательности она может совершенствоваться. Общественные устремления, приобретенные нами через опыт предшествующих поколений (сокращение времени, затрачиваемого на труд; использование наемной силы; стремление увеличить время досуга), природа позволяет нам увидеть лишь в недоразвитых детях. Подобные устремления – признак регрессии ребенка, которому мы не помогли адаптироваться к окружающему миру в первые дни после рождения и который получил отвращение ко всякого рода деятельности. Такой малыш будет постоянно требовать, чтобы ему во всем помогали, носили на руках или возили в коляске; он будет избегать компании других детей; его сон будет долог. Все перечисленные черты указывают на вырождение. Это признаки того, что ребенок стремится к возвращению в эмбриональное состояние, они хорошо изучены и описаны. Нормально развивающийся ребенок стремится к свободе, тот же, кто избегает независимости, – дегенеративен.

Обучение таких детей должно быть построено особым образом. Как воспрепятствовать регрессии, которая задерживает нормальное развитие? Ведь ребенок с отклонениями не любит окружающий его мир, поскольку в нем слишком много трудностей и препятствий. Изучение отсталых детей привело к созданию специального направления в психологии – психопатологии. Возникает все больше детских диспансеров, выработаны новые методы обучения, в частности «игровая терапия». Все это важно, учитывая все возрастающее

число детей с отклонениями в развитии. Педагоги считают, что такой ребенок должен меньше чувствовать сопротивление окружающей среды. Поэтому они стараются уменьшить число препятствий, встречающихся ребенку, а по возможности – устранить их полностью. Сегодня взрослые стараются сделать привлекательным все, что окружает ребенка, и особенно – ребенка, который испытывает неприязнь к внешнему миру. Они пытаются помочь ему, пробуждая в малыше чувства симпатии и расположения и преодолевая недоверие и неприязнь. Ребенку создаются особые условия для приятных ему занятий, поскольку активная деятельность необходима для развития. Пространство, в котором находится ребенок, должно предлагать ему богатый выбор мотивировок, которые подталкивают его к деятельности и побуждают к обретению собственного опыта. Таковы вполне ясные принципы, которые могут помочь отсталому ребенку освободиться от признаков регрессии и осуществить переход от безделья к труду, от пассивности к активности, от состояния страха, который заставляет малыша цепляться за близких, к радостной свободе, ведущей его завоевывать мир.

От бездеятельности – к труду! Вот как следует строить нашу заботу о детях, поскольку именно так происходит развитие здорового ребенка. Это должно лечь в основу новых принципов обучения и воспитания, согласно установкам природы.

Концепция созревания

Я не собираюсь вдаваться в длительные теоретические споры. Но все же, прежде чем перейти к следующей теме, хотела бы сказать несколько слов по поводу концепции созревания, поскольку считаю, что, не объяснив своей точки зрения на сей счет, я лишу читателей возможности правильно понять то, что изложено в последующих да и в предыдущих разделах этой книги. В науке понятие «созревание» обычно применяется генетиками и эмбриологами, которые обозначают им период, предшествующий оплодотворению, когда зародышевая клетка из незрелой превращается в созревшую.

Процесс формирования организма не носит целостного и постепенного характера. Развитие отдельных органов идет раздельно вокруг неких активных центров, действующих ограниченное время: как только органы формируются, деятельность этих центров угасает. Сама по себе эта деятельность носит созидательный характер и направлена на создание данных органов. Помимо этих центров на развитие активного отношения ребенка к окружающему миру воздействуют «периоды восприимчивости». Подобные процессы выявлены и в области психологии, что доказывает постоянство методов, которые использует природа по отношению к человеку.

«Созревание» есть нечто большее, чем «совокупность генетических последствий, проявляющихся в течение ограниченного времени». Помимо *генов* на него кардинальным образом воздействует окружающая среда. Созревание функций психики может происходить только через освоение внешнего мира, которое протекает по-разному на разных ступенях развития, ибо в процессе роста ребенка «орме» изменяет свою структуру. Это видно на примере особого интереса малыша к некоторым повторяющимся и внешне бессмысленным действиям: из такого повторения внезапно, как взрыв, в ребенке рождается новая функция. Как именно происходит созревание, мы не видим, поскольку сами повторяющиеся действия, на первый взгляд, не были напрямую связаны с возникшей функцией. Кроме того, они сразу же прекратились, ибо сознательный интерес ребенка был перенесен на другие действия, и началась подготовка других механизмов. Если лишить ребенка возможности осваивать такие действия в момент, предусмотренный природой, его особая восприимчивость угаснет, а развитие, как и созревание, окажутся нарушенными.

Существует более широкое и более современное определение понятия «созревание»: «Оно состоит в структурных изменениях, которые носят по преимуществу наследственный характер, то есть заложены в наборе хромосом оплодотворенного яйца. Но отчасти созревание является также продуктом взаимодействия организма с окружающей сре-

дой». Отталкиваясь от этого определения, мы можем сделать вывод: люди рождаются с жизненным стимулом («орме»), который органически слит с общей структурой *абсорбирующего разума*, особенности и отличительные черты которой предопределены «туманностями».

В течение всего детства эта структура изменяется в соответствии с различными периодами восприимчивости. Все составляющие, которые руководят процессами роста и психического развития – и «абсорбирующий разум», и «туманности», и «периоды восприимчивости», – все это наследственные механизмы, присущие только людям. Но реализовать их человек может лишь посредством свободного взаимодействия с окружающим миром.

Вклад ребенка в жизнь общества: нормализация

В предыдущем разделе мы говорили об особенностях поведения сильных и слабых детей. Надо заметить, что в глазах общественного мнения далеко не все черты слабости признаны таковыми. Пассивных и тихих детей очень часто называют «хорошими». Тех же малышей, кто проявляет физическую активность, живое воображение и т. д., взрослые считают особенно блестящими и прямо-таки выдающимися.

Можно сказать, что дети разделяются взрослыми на три типа:

- 1) дети с недостатками, которые требуют исправления;
- 2) хорошие (пассивные) дети, которых ставят в пример остальным;
- 3) дети с выдающимися качествами. Второй и третий типы рассматриваются как «желательные», и родители испытывают гордость за таких ребяташек, даже если близкое общение с ними (например, с детьми, относящимися к последней группе) не всегда приятно.

Я говорю об этом потому, что подобная «классификация» детей существует веками. Однако и в моей первой школе, и во всех последующих я наблюдала, как мгновенно исчезают эти особенности поведения у ребяташек, стоит им только заинтересоваться какой-либо деятельностью, привлекающей их

внимание. Так называемые плохие, хорошие и замечательные качества – *все исчезает* – остается просто ребенок. Этим я хочу сказать, что до сих пор люди не сумели найти меру добра и зла, а также того, что выходит за рамки этих двух понятий: наши представления об этом оказались ошибочными. Существует мистическое утверждение: «Нет истины вне Бога, и всякая иная вещь ложна». В наших школах дети доказали, что единственным их устремлением является постоянство в труде. До сих пор никто не делал подобных наблюдений и никто не определял, каким образом в ребенке происходит спонтанный выбор рода деятельности. Следуя своему внутреннему повелению, наши малыши (каждый по-своему) занимались именно тем, что доставляло им безмятежность и радость. И тогда происходило нечто совершенно непривычное: в коллективе детей возникала спонтанная дисциплина. Это нас особенно поразило: дисциплина в обстановке свободы! Удивительно было видеть малышей, которые в обстановке полной свободы искали себе занятия, каждый – по своему выбору, погружались в них, и при этом в группе сохранялась отменная дисциплина. Подобное я наблюдала на протяжении сорока лет в разных странах. Это доказывало, что, оказавшись в обстановке, которая позволяет заниматься упорядоченной деятельностью, дети демонстрируют новые качества. В них развивается особый тип психики, присущий всем людям, но доселе скрывавшийся под наслоениями иных качеств. Подобная перемена в детях, приводящая к

появлению единого типа, происходит не постепенно, а внезапно. Это случается всякий раз, когда ребенок погружается в какую-нибудь деятельность. Для этого воспитателю не нужно заставлять ленивого малыша – достаточно просто облегчить контакт ребенка с предметами труда, находящимися в окружающем его пространстве. Как только ребенок осваивает то или иное занятие, все его недостатки сразу исчезают. Его не нужно ни в чем убеждать – просто что-то внутри него открывается для внешней деятельности, пробуждает энергию и направляет ее на непрерывную и повторяющуюся работу.

Человеческий индивид целостен. Эта целостность создается и закрепляется с помощью активного освоения окружающего мира, к которому побуждает нас природа.

В процессе эмбрионального развития с рождения до трех лет в ребенке формируются разрозненные функции (каждая – в строго определенное время). Наконец наступает момент, когда они начинают взаимодействовать. Это происходит на следующем этапе – с трех до шести лет: руки работают, а мозг руководит этой работой.

Если внешние обстоятельства препятствуют интеграции, внутренняя энергия продолжает подталкивать развитие функций, но общая дезорганизация уводит их от намеченной цели. Руки не знают, чем им заняться, мысли уходят далеко от реальности, болтовня теряет смысл, движения тела разболтаны. Не находя выхода, разрозненные силы провоци-

руют неправильное развитие ребенка, отклонения, нарушения и прочие осложнения. Эти отклонения вызваны не внутренними пороками личности. Они являются следствием ее несостоявшейся внутренней организации.

И хотя эти явления носят временный характер, сами по себе они не исчезнут. Чтобы избавиться от них, необходимо, чтобы все действия были направлены к определенным целям.

Когда же окружающее пространство привлекает ребенка и побуждает его к созидательной деятельности, то разрозненные вспышки энергии малыша соединяются в одну и всякие отклонения исчезают. Возникает необычный тип ребенка – новый ребенок, и это означает, что личность сумела сформироваться правильным образом.

В наших школах дети принадлежали к разным классам общества, разным народам и разным ступеням цивилизации, и тем не менее мы сталкивались с этим явлением постоянно. Это наиболее важный результат нашей работы.

Переход от одного этапа развития к другому осуществляется только после того, как ребенок осваивает работу с предметами, и когда работа его рук сопровождается умственной концентрацией. Этот психологический феномен, напоминающий излечение взрослых людей при помощи психоанализа, был нами назван «нормализацией».

Сегодня, спустя много лет, это открытие, многократно проверенное опытами, получило свое подтверждение. Дет-

ские клиники, специализирующиеся на работе с «трудными детьми», стремятся теперь помещать своих пациентов в такую среду, которая бы стимулировала рост активности ребенка, давала ему возможность свободного выбора занятий, освобождала его от контроля воспитателей и вообще взрослых.

Та же *игровая терапия* позволяет ребенку выбирать из множества игрушек или подражательных игр то, что ему больше нравится. Обеспечить подобную широту выбора у себя дома семья, как правило, не в состоянии. Современные детские учреждения действительно способствуют исправлению характера ребенка. Причем это исправление вызвано не только обретением степени свободы, но и социализацией малыша – его общением с другими детьми.

Однако задача подобных учреждений весьма ограничена. Они – всего лишь центры оздоровления, что-то типа санаториев для больных (трудных) детей. Нам пока еще не хватает понимания, что только труд и свобода исправляют пороки развития, а значит, все детские учреждения должны положить в основу своей деятельности именно эти принципы.

Иначе же выздоровевшие или окрепшие дети возвращаются в прежние условия жизни, обусловившие их «отклонения от нормы», и все улучшение идет насмарку.

Во многих странах педагоги пытались применить принципы свободы и активности в школьной практике. Но сама их трактовка этих понятий была слишком эмпирична.

Свобода упрощенно понималась как немедленное освобождение детей от репрессивных мер: например, отмена наказаний: освобождение от необходимости слушаться старших. Разумеется, подобная трактовка носила негативный характер, поскольку предполагала просто отказ от принудительности. Реакция на такую «свободу» была весьма показательной: ребенок, импульсы которого раньше контролировались только взрослыми, просто «срывался с цепи». Если мы «позволяем делать что угодно ребенку, у которого не развита воля», то мы неизбежно искажаем самую суть свободы.

Так вырастают неаккуратные дети, поскольку порядок навязывался им взрослыми; так растут маленькие бездельники, поскольку работу взрослые тоже навязывали; так растут непослушные дети, ибо послушание для них было вынужденной необходимостью. Свобода должна быть следствием развития скрытых в ребенке мотивов, и она должна опираться на обучение. Развитие само по себе активно. Это процесс формирования личности посредством освоения ребенком окружающего мира. Эту длительную работу должен проделать в себе каждый ребенок.

Командовать слабым покорным ребенком и наказывать его легко, но никто не сумеет «развить» в нем другую личность. Этого невозможно достичь обучением.

Если мы станем понимать свободу как предоставление детям возможности делать что угодно, в том числе – неправильно обращаться с предметами, которые их окружают, то

в результате мы получим «свободное развитие отклонений», и аномальность каждого ребенка только усилится.

Нормализация происходит при концентрации детей на какой-то деятельности. Значит, необходимо, чтобы в окружающем ребенка пространстве имелись мотивы, способные вызвать его интерес. Важно, чтобы предметы могли быть использованы по своему назначению, это создает некий «умственный порядок». Важно, чтобы они использовались «точно», это развивает «координацию движений».

Умственный порядок и координация движений, управляемые в соответствии с критериями науки, подготавливают способность концентрации, достигнув которой ребенок становится свободен в своих действиях и освобождается от пороков. Следует сказать, что «концентрация» – это не просто «занятие чем-нибудь». Если дети с безразличием переходят от одного предмета к другому, даже обращаясь с ним правильно, то такая деятельность не приводит к исправлению дефектов. Необходимо, чтобы процесс работы вызывал у них искреннее уважение и интерес.

В отличие от клиник для трудных детей в наших школах «выздоровление» – не конечный результат, а отправная точка, после достижения которой происходит укрепление и развитие личности ребенка, получившего «свободу действий».

Только после «нормализации», развиваясь в контакте с окружающим миром, дети раскрывают перед нами свои удивительные качества: спонтанную дисциплину, способность

продолжительно и с радостью трудиться, стремление помочь друг другу, взаимопонимание. «Свободный выбор занятий» становится их образом жизни, он свидетельствует об их выздоровлении, о вступлении в новую жизнь.

Главной характеристикой остается все то же «усердие в труде». Интересное, свободно избранное, способное привлечь, хотя порой и утомительное занятие увеличивает энергию и умственные способности ребенка, а также его самообладание.

Чтобы способствовать этому развитию, недостаточно дать ребенку разнообразные предметы для занятий. Необходимо также особым образом организовать пространство, чтобы вызвать у детей «рост интереса». Возникает особый воспитательный метод, основанный на знании законов развития детской психологии.

В наших школах дети не только укрепляли свой характер – их разум жадно искал и впитывал в себя всякое знание. Можно было утверждать, что, совершенствуясь, они совершали свой подъем к вершинам духовной жизни.

Развитие навыков труда заставляет нас вспомнить о некоторых принципах, изложенных в древней индийской книге мудрости «Бхагавадгите»: «Важно дать каждому человеку подходящую работу. Разум испытывает потребность в работе. Держать его постоянно погруженным в здоровую деятельность значит укреплять дух. Когда же дух беспокоен или бездействует, в него входит дьявол. Бездейственный человек не

МОЖЕТ БЫТЬ ДУХОВНЫМ».

Общественное развитие

Первый шаг, который должен сделать ребенок, – найти путь и способы концентрации, которые укрепят основы характера и подготовят поведение человека в обществе. Здесь сразу же возникает необходимость приспособить для этих целей окружающую среду, поскольку никто извне не может помочь малышу научиться сосредотачиваться, чтобы правильно организовать собственную психику. Он вынужден делать это сам. Наше главное требование к школе – обеспечить детей возможностью таких занятий, которые способствуют сосредоточению. Замкнутое пространство позволяет концентрироваться лучше: ведь мы всякий раз ищем уединения, чтобы сосредоточиться. Стимулирующая деятельность, уютное место для занятий, концентрация – все это способствует формированию характера и становлению личности. В обычную школу дети приходят чаще всего после пяти лет, т. е. когда первый период их развития уже закончен. Наша школа, напротив, предназначена для совсем маленьких детей. Она создает для них благоприятную обстановку, в которой формируются и приобретают особую важность первые элементы характера.

Мысль о том, что пространство вокруг ребенка должно быть организовано особым образом, вызвала в свое время очень широкий интерес. Художники, архитекторы, психо-

логи начали работать вместе, пытаясь найти точные пропорции помещений и художественные элементы оформления школы, которая не только служила бы прибежищем для малышей, но и способствовала их концентрации. Школьные помещения должны были нести не только защитительную функцию, но и создавать некое «психическое пространство». Важны были не столько форма и размер помещений – сами по себе они ничего не решают, сколько предметы, поскольку именно предметы позволяют ребенку сосредоточиваться. Отбор предметов для наших школ происходил с учетом опыта самих детей.

Первой мыслью было разнообразить пространство для занятий всем понемногу и дать детям возможность отобрать предметы по своему вкусу. Было замечено: ребяташки тянулись к одним предметам и не обращали внимания на другие; последние мы убрали. С тех пор все, что мы использовали в наших школах, отбиралось в результате экспериментов, проводившихся в разных странах, и всякий раз выбор делали сами дети. Таким образом, мы используем то, что нравится *всем* детям. Это напоминает отчасти поведение насекомых: они всегда тянутся к одним и тем же цветам – к тем, которые им нужны. Разумеется, предметы, на которые падает выбор детей, тоже нужны им: они отбирают именно то, что им необходимо для построения своей личности. Множество предложенных им игрушек малыши, как правило, оставляли без внимания. Из большого числа предметов, которые долж-

ны были научить их различать цвета, они выбрали только один тип – разноцветные таблички. С тех пор мы используем их во всех школах. Даже форма предметов и интенсивность их окраски определялась детьми. Необходимость ограничить круг используемых материалов отразилась на общественной жизни класса. Ведь если предметов слишком много или в классе больше одного набора материалов, то группа из тридцати-сорока детей сразу их перепутает между собой. Следовательно, число предметов должно быть невелико, даже если группа достаточно большая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.